
Антония Айрис
Кентервильское привидение 2.0
Дом, который помнит

Антония Айрис

Кентервильское привидение 2.0. Дом, который помнит

«Автор»
2026

Айрис А.

Кентервильское привидение 2.0. Дом, который помнит / А. Айрис — «Автор», 2026

Семья блогеров покупает старый английский замок ради контента и почти сразу получает то, о чём мечтала: настоящее привидение. По местной легенде, почти три века назад молодой хозяин Кентервиля Эдвард убил жену и исчез. Девятнадцатилетняя Алиса первой замечает, что легенда слишком удобна, а сам призрак совсем не похож на чудовище.Дневники супругов рассказывают две разные истории одного брака. Тайные комнаты хранят третью. И чем ближе Алиса становится к Эдварду, тем опаснее вопрос: можно ли любить человека, если не знаешь, что он сделал?«Кентервильское привидение 2.0» — история о любви, вине, ревности и памяти, которая умеет переживать людей. Иногда призраки появляются после смерти. Иногда мы создаём их сами.Свободная современная интерпретация мотивов «Кентервильского привидения» Оскара Уайльда.

© Айрис А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Кукла, которая смотрела 5
Часть I. Дом с привидением 6
Глава 1. Дом ради просмотров 6
Глава 2. Пятно 9
Глава 3. Человек в коридоре 11
Глава 4. Бойся меня, дитя 13
Глава 5. Охотники 15
Глава 6. Правила охоты 18
Глава 7. Маленькие светящиеся коробочки 20
Глава 8. Не та дверь 22
Глава 9. За гобеленом 26
Глава 10. Лучший эфир в нашей жизни 28
Глава 11. Её звали Элеонора 30
Часть фамильных ценностей не обнаружена. 32
Часть II. Две исповеди 33
Глава 12. После эфира 33
Глава 13. Кто убедительнее 35
Глава 14. Комната Элеоноры 37
Глава 15. Привидение против клининга 39
Глава 16. Первый снег 41
Глава 17. Закопанная жизнь 42
Глава 18. Секретер 44
Глава 19. Дневник Элеоноры 45
Глава 20. Её версия 49
Глава 21. Дневник Эдварда 51
Глава 22. Люстра 54
Часть III. То, что мы называем любовью 56
Глава 23. После падения 56
Глава 24. Добрый вечер, сударыня 58
Глава 25. Не трогай мои вещи 60
Глава 26. Комната мёртвой женщины 63
Глава 27. Прогулки в стенах 65
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Кентервильское привидение 2.0. Дом, который помнит

Пролог. Кукла, которая смотрела

Кукла сидела в детской двести восемьдесят семь лет. Когда-то у неё было синее платье, настоящий человеческий волос и лента цвета майского неба. Теперь платье выгорело до серого, волосы свалялись, а лента стала почти белой. Только стеклянные глаза не изменились. Они всё так же смотрели прямо перед собой с тем вниманием, которого не должно быть у неодушевлённых вещей. Комната давно никому не принадлежала.

Дети здесь не смеялись. Няньки не ругались. У камина не сушили мокрые чулки. С потолка свисала паутина, на деревянной лошадке поселилась пыль, а на стене осталась тонкая царапина, которую когда-то каждый год закрашивали и которая всё равно проступала снова. Ночью по замку гулял ветер.

Он умел открывать двери, которые люди считали запертыми, шевелить портьеры в комнатах без окон и находить такие щели в камне, о существовании которых не знали даже строители. Замок был слишком стар, чтобы помнить всех, кто его перестраивал. Одни поколения достраивали башни. Другие закладывали проходы. Третьи, наоборот, пробивали новые.

Особенно отличился один из предков Кентервилей, сэр Абрахам, уверенный, что его хотят убить все: жена, кузены, парламент, лакей, французский посол и человек, который дважды слишком медленно подал ему соль.

При нём стены обзавелись ложными дверями, поворотными панелями, лестницами, которые никуда не вели, и коридорами, позволявшими хозяину оказаться за спиной у собеседника раньше, чем тот успевал сказать о нём что-нибудь неприятное.

Сэр Абрахам умер в восемьдесят четыре года в собственной постели, глубоко оскорблённый тем, что заговорщики так и не пришли. Проходы остались.

И однажды очень помогли женщине, которая хотела знать обо всём, что происходило в её доме. В ту ночь детская была пустой, как обычно.

Потом где-то далеко, за тремя стенами и двумя закрытыми дверями, раздался тихий удар. Кукла медленно повернула голову. В треснувшем стеклянном глазу отразился голубой свет. Он скользнул по полу, коснулся стены и исчез. Несколько секунд ничего не происходило. Потом из-за окна в темноту влетел бледно-розовый лепесток.

Это было невозможно. На улице стоял ноябрь, а старое миндальное дерево в оранжерее не цвело уже больше века. Лепесток лёг на колени куклы. Внизу, под детской, что-то тяжело вздохнуло. Не человек. Скорее дом.

А на следующее утро у ворот остановился чёрный внедорожник, из которого первым делом высунули не ногу, не руку и даже не голову. Из него высунули телефон на стабилизаторе.

Часть I. Дом с привидением

Глава 1. Дом ради просмотров

— Только не снимай меня, — сказала Алиса ещё до того, как открылась дверь машины.

— Я вообще не тебя снимаю, — автоматически ответила Вика, направляя камеру ровно на неё.

Алиса подняла глаза.

— Мам.

— Это атмосфера. Ты в атмосфере.

— У атмосферы есть право на частную жизнь?

— Пока нет. Но если примут закон, я первая соблюду.

Олег засмеялся с водительского места и заглушил двигатель. Перед ними стоял Кентервиль-холл. На фотографиях из объявления он выглядел мрачно. Вживую выяснилось, что фотограф был оптимистом.

Замок поднимался из мокрой земли тяжёлой массой почти чёрного камня. Башни втыкались в серое небо, горгульи на воротах щерились на приезжих с тем выражением, с каким старые аристократы смотрят на людей, пришедших без приглашения. По стенам тянулся плющ, в нескольких окнах горел свет, хотя электричество, по словам агента, должны были подключить только к вечеру.

— Всем привет, мои хорошие! — Вика уже переключилась на свой экранный голос. — Мы наконец-то приехали. Да. Это настоящий английский замок. Да. Мы теперь здесь живём. Да. Я тоже пока не верю.

— Дай меня, — Олег забрал вторую камеру, встал так, чтобы башни оказались у него за плечом, и расправил куртку. — Друзья, вы просили больше семейного контента. Мы услышали.

— Никто этого не просил, — сказала Алиса.

— Комментарии просили.

— Ты сам написал половину комментариев.

— Это называется разогрев аудитории.

Задняя дверь распахнулась. Тёма и Гоша вылетели наружу в одинаковых куртках, но один уже успел надеть на голову пластиковый шлем, а второй держал прибор, собранный из фонарика, старого радиоприёмника и чего-то, что раньше принадлежало кухонным весам.

— Охотники на привидений на связи!

— Тут точно кто-то умер!

— В каждом доме кто-то умер, — сказала Алиса.

Близнецы замолчали.

— Даже у бабушки?

— Особенно у бабушки, если она узнает, сколько стоил этот дом.

Олег кашлянул. Замок действительно стоил подозрительно мало. Алиса знала историю Кентервиля ещё до того, как увидела его башни вживую. Когда родители сообщили, что нашли подозрительно дешёвый английский замок, она первым делом открыла браузер — не из любви к мистике, а потому что нормальный человек обязан выяснить, почему недвижимость размером с маленький университет стоит дешевле хорошей квартиры в Лондоне.

Через сорок минут она знала имена. Элеонора Кентервиль, молодая жена владельца, погибшая зимой 1739 года у большой лестницы. Эдвард Кентервиль, её муж, исчезнувший примерно тогда же. Часть фамильных ценностей тоже исчезла. Тела Эдварда не нашли. На этом документы заканчивались и начинался интернет.

Эдвард убил жену. Эдвард бежал. Эдвард продал душу. Эдвард состоял в тайном обществе. На одном сайте утверждалось даже, что он был французом, хотя семейные архивы с этим явно не соглашались.

Спустя десятилетия после смерти Элеоноры в замке стали замечать молодого мужчину, а порой — нечто совсем иное, пугающее. Две истории постепенно сплелись в одну: исчезнувший убийца вернулся призраком. А может, призраков было несколько? Как бы то ни было, все сходились в одном — на доме лежит проклятие.

Алиса прочитала всё и не поверила почти ничему. Факт и хороший заголовок были разными вещами, даже если спустя три века люди уже перестали замечать разницу.

Настолько мало, что Алиса спросила, не продаётся ли вместе с ним уголовное дело. Покупка Кентервиля началась с того, что Олег нашёл объявление в три часа ночи.

«Историческая резиденция. Требует реставрации. Практически никто не жил. Значительный потенциал».

Слова «значительный потенциал» в недвижимости обычно означали «крыша держится на вере», но цена была такой, что он разбудил Вику.

— Мы можем купить замок дешевле квартиры в Лондоне.

— Что с ним не так?

— Не знаю.

— Тогда точно берём.

Алисе рассказали утром. Она открыла фотографии, дошла до страницы с историей объекта и прочитала вслух:

— «Дом неоднократно менял владельцев. Долгие периоды оставался необитаемым из-за местных суеверий». Очень успокаивает.

— Суеверия бесплатные, — сказал Олег. — За них налог не берут. Но нам это на руку. Получится отличный контент.

На просмотре агент не хотел произносить слово «призрак». Вика заставила.

— Мы должны понимать все недостатки.

— Мадам, предыдущий покупатель прожил здесь четыре дня.

— Почему уехал?

— Говорил о шагах в стенах.

Вика повернулась к мужу.

— Ты понимаешь, какой у нас будет первый сезон?

Агент тогда посмотрел на них с выражением человека, который впервые встретил клиентов, способных снизить цену дома благодаря проклятию и одновременно попросить доплатить за него. Алиса согласилась на переезд только потому, что ей обещали отдельную мастерскую.

И потому, что в глубине души хотела увидеть, как выглядит место, от которого люди бегут добровольно. После просмотра, агент долго говорил про расходы на содержание, исторический статус, неудобную логистику и отсутствие покупателей. Только потом, уже почти подписывая бумаги, как будто между прочим добавил:

— И местные не очень любят это место.

— Почему? — оживилась Вика.

Агент посмотрел на неё, на камеру, на Олега, который уже прикидывал название ролика, и, кажется, впервые пожалел продавца.

— Истории.

— Какие?

— О призраке.

Вика тогда повернулась к мужу с выражением человека, которому только что сообщили, что к дому бесплатно прилагается бассейн. Теперь она стояла перед воротами и снимала горгулий крупным планом.

— Это будет лучший переезд года.

— Конечно, — сказала Алиса. — Родители купили дом с привидением ради просмотров. Что могло пойти не так.

Она поправила лямку рюкзака и подняла взгляд на верхний этаж. В одном из узких окон кто-то стоял. Тёмная фигура. Высокая. Неподвижная. Алиса моргнула. Окно было пустым.

— Алиса! — крикнула мать. — Иди сюда. Семейный кадр!

— Не хочу.

— Это память!

Алиса снова посмотрела наверх.

— Вот именно этого я и боюсь.

Когда они вошли в ворота, на мокрый камень у её ноги упал розовый лепесток. Алиса подняла его.

— Очень смешно, — сказала она близнецам.

— Что?

Она показала лепесток. Оба уставились на него совершенно искренне. За воротами не было ни одного цветущего дерева.

Глава 2. Пятно

Первые два часа замок проигрывал семье всухую. Он был слишком большим, слишком пыльным и совершенно не понимал, что такое современный человек с удлинителем.

Олег протянул кабель через зал, зацепился за него, едва не снёс доспехи и заявил, что «пространство пока сопротивляется концепции». Вика установила кольцевую лампу напротив камина XIV века. Тёма и Гоша обнаружили служебный колокольчик и двадцать минут вызывали прислугу, которой не существовало уже лет семьдесят. Алиса нашла окно в своей комнате и впервые за день выдохнула.

Вид был невозможный: серые холмы, голые деревья, кусок старого сада, стеклянная крыша оранжереи и дальше туман. Никаких соседних домов. Никакой дороги. Никакого рекламного баннера. Она достала блокнот.

Рисование всегда возвращало вещи на места. Можно было взять хаос, выбрать из него линию и решить, где она закончится. Возможно, именно поэтому у её рисунков было двести с лишним тысяч подписчиков, хотя сама Алиса совершенно не понимала, что все эти люди нашли в её привычке прятаться от жизни за бумагой. Она успела провести три линии башни, когда снизу раздался крик матери.

— АЛИСА!

Не испуганный. Восторженный. Это было хуже. В большом зале Вика сидела на корточках посреди пола, направив телефон вниз.

— Смотри.

На серой каменной плите темнело пятно. Не ярко-красное и не свежее. Скорее тёмно-бордовое, почти коричневое, впитавшееся в камень так глубоко, будто было его частью.

— Это кровь? — спросил Гоша с надеждой.

— Нельзя говорить «кровь» в первые тридцать секунд ролика, — сказал Олег. — Алгоритм может порезать охваты.

— Тогда «загадочная биологическая жидкость».

— Ещё хуже.

Алиса взяла тряпку, намочила её и провела по пятну. Ничего. Потёрла сильнее. Ткань осталась чистой.

— Оно не оттирается.

— Отлично! — сказала Вика.

— Мам, я не думаю, что слово «отлично» здесь подходит.

— Я про материал.

Тёма уже включил свой прибор. Тот завыл.

— Призрак!

— Батарейка садится, — сказал Гоша.

— Это призрак высасывает батарейку.

— Это китайская батарейка высасывает сама себя.

Они начали спорить. Вика села рядом с пятном, включила фронтальную камеру и мгновенно изменилась в лице.

— Ребята, у нас тут настоящая мистика. Мы приехали буквально два часа назад, и посмотрите, что нашли...

— Вы вообще серьёзно? — спросила Алиса.

— Очень.

Олег включил кольцевую лампу. Холодный белый свет залил древний пол. И на секунду Алисе показалось, что пятно стало темнее. Не цветом. Глубиной. Как будто камень под ним провалился на несколько сантиметров. Она моргнула. Обычное пятно.

— Ладно, — сказала она себе. — Старый дом. Усталость. Пыль.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Вика.

— С единственным адекватным человеком в этой комнате.

Она ушла наверх. Позже, когда все разошлись, в пустом зале стало тихо. Из стены возле лестницы медленно выступила полупрозрачная фигура. Юноша в старом тёмном сюртуке некоторое время смотрел на пятно. Потом перевёл взгляд на оставленную рядом коробку с красками Алисы. Среди тюбиков лежал бордовый. Он нахмурился.

— Варвары, — произнёс он и потянулся к краске.

В первый вечер Алиса ещё пыталась относиться к дому рационально. Она нашла старый план, распечатанный управляющим, и разложила на полу. Северное крыло. Западная башня. Бальный зал. Оранжерея. Часовня. Библиотека. Комнаты, помеченные как «недоступно». И странные пустоты между стенами.

— Толщина камня, — сказал Олег.

— Или коридоры.

— Для чего?

— В старых домах делали служебные проходы.

— Ты звучишь как человек, который уже хочет туда залезть.

— Я звучала так до того, как ты это сказал.

Ночью Алиса вспомнила план именно потому, что фигура в окне днём стояла там, где по схеме не было комнаты. И когда открылась дверь спальни, первая мысль была не «призрак». Первая мысль была: «там есть проход». Это успокаивало ровно до момента, когда проход начал светиться голубым.

Глава 3. Человек в коридоре

Первой ночью Алиса проснулась от холода. Не от обычного ноябрьского холода, когда вылезает нога из-под одеяла и организм немедленно начинает составлять завещание. Холод стоял внутри комнаты. Она села. На экране телефона было 02:17.

Свечи на каминной полке горели ровно. Потом пламя ближайшей вытянулось в тонкую синюю иглу. Погасло. За ним второе. Третье.

— Нет, — сказала Алиса. — Даже не начинай.

Последняя свеча погасла. Она включила фонарь на телефоне. Дверь в коридор была открыта. Алиса точно помнила, что закрывала её. На пороге лежал розовый лепесток.

— Очень оригинально.

Она встала, накинула кардиган и вышла. Коридор тянулся вдоль северного крыла. Днём он казался просто старым. Ночью портреты обнаруживали талант смотреть вслед, а дверные проёмы становились подозрительно похожими на рты. Телефон высветил лестницу. Никого.

— Кто здесь?

Тишина.

— Если это вы, я вас убью, — сказала она, подразумевая братьев.

Из темноты впереди проступило голубоватое свечение. Алиса перестала дышать. Сначала ей показалось, что в воздухе висит туман. Потом туман собрался в плечи, руки, тёмный сюртук, лицо.

Юноша стоял посреди коридора так, будто находился там всегда, просто раньше мир был недостаточно внимателен, чтобы его заметить. Он был ненамного старше Алисы. Тёмные вьющиеся волосы падали на лоб, кожа казалась почти бесцветной. На шее — старомодный кружевной галстук с тёмной брошью. Пальцы полупрозрачны. Не костлявый старик. Не скелет. Не белая простыня. И почему-то именно это было страшнее. Он посмотрел на неё. Его лицо изменилось. Не угроза. Изумление.

— Ты... видишь меня?

Голос прозвучал тихо, без эха. Почти обычный. Алиса подняла телефон выше.

— Полагаю, да.

Он сделал шаг. Она отступила. Юноша остановился.

— Впервые за... — Он замолчал, будто считать годы было слишком утомительно. — Очень долго.

Алиса всмотрелась в лицо. Плохая гравюра из старой статьи вдруг обрела кожу, тёмные волосы и выражение явного раздражения.

— Эдвард Кентервиль.

Юноша замер.

— Ты знаешь моё имя?

— Оно в интернете.

Он нахмурился.

— Где?

— Потом.

Его взгляд скользнул по телефону.

— Что это у тебя в руке?

— Я первая спросила.

На секунду в его глазах мелькнуло раздражение. Настолько живое, что Алиса почти успокоилась.

— Это мой дом.

— Уже нет.

— Что?

— Его купили мои родители.

— Невозможно.

— Я тоже так сказала.

Он уставился на неё так, будто она сообщила о продаже луны. Алиса вдруг заметила, что голубой свет проходит через край его плеча и ложится на стену. Сердце снова вспомнило о своих обязанностях.

— Ты мёртвый.

— Боюсь, это наиболее очевидная часть происходящего.

— Отлично.

— Отлично?

— Нет. Это нервное слово.

Внизу грохнуло. Оба вздрогнули.

— ТЁМА! — донёсся голос Гоши. — Я ТЕБЕ ГОВОРИЛ, НЕ НАЖИМАЙ!

Юноша закрыл глаза. На его лице появилось выражение глубокой усталости.

— Это тоже живёт здесь?

— Их двое.

Он открыл глаза. В них впервые появился настоящий ужас.

— Двое?

Алиса не удержалась и улыбнулась. И именно в этот момент призрак исчез. Не растворился красиво. Просто шагнул назад и прошёл сквозь стену.

— Стой!

Она подбежала. Камень был холодным и совершенно твёрдым. Над головой тихо заскрипела люстра. Алиса подняла взгляд. Та медленно качалась в пустом коридоре. Утром она решила никому ничего не рассказывать. К девяти двадцати близнецы уже знали. После первой встречи Эдвард провёл остаток ночи в старой часовне. Он не молился.

За столетия научился не просить небеса о вещах, на которые они демонстративно не отвечают. Он пытался понять Алису. Живая девушка увидела его целиком. Не пятно света. Не тень. Не страшный сон. Увидела и начала спорить. Это было настолько неприлично, что почти очаровало. Эдвард решил исправить ситуацию традиционным способом.

За жизнь после смерти он накопил несколько образов для запугивания. Кровавый охотник. Человек без головы. Скованный узник. Белая фигура в коридоре. Последний особенно нравился людям девятнадцатого века. Современные жильцы оказались испорчены кинематографом. Близнецы требовали спецэффектов. Родители пытались выставить свет. Алиса критиковала дикцию.

И впервые за очень долгое время Эдвард почувствовал не страх, не гнев и не вину. Обиженное самолюбие. Это было почти приятно.

Глава 4. Бойся меня, дитя

— Ты разговаривала с призраком.

Тёма сидел напротив Алисы за завтраком с лицом следователя, которому подозреваемый наконец перестал нравиться.

— Нет.

— Ты сказала ночью: «Стой».

— Я могла говорить во сне.

— Потом ты сказала: «Как ты прошёл сквозь стену?»

Алиса медленно положила ложку.

— Вы подслушивали?

— Мы проводили наблюдение.

— Под дверью?

— Там лучший сигнал.

Гоша поставил на стол свой прибор.

— Он ночью зашкаливал.

— Он зашкаливает, когда рядом микроволновка.

— Призрак может быть микроволновкой.

— Это самое страшное, что ты сегодня сказал.

Вика услышала слово «призрак» из другого конца кухни.

— Где?

— Нигде, — ответила Алиса.

— Если увидишь, позови меня до того, как убежишь.

— Конечно. Приоритеты.

Эдвард появился следующей ночью сам. На этот раз Алиса сидела в библиотеке, устроившись на полу между двумя коробками книг. Она рисовала окно и старалась не думать о том, что уже третий раз машинально оставляет пустое место для фигуры возле него. Свет погас.

— Предсказуемо, — сказала она.

За спиной раздался тяжёлый скрежет цепей. Алиса не повернулась. Скрежет усилился. Потом кто-то очень старательно простонал.

— У-у-у-у.

Она подняла глаза от бумаги.

— Серьёзно?

Тишина. Алиса обернулась. Эдвард преобразился. Лицо стало мертвенно-белым, под глазами залегли чёрные тени, вокруг рук клубился туман, а за спиной волочились цепи, которых секунду назад не существовало.

— Бойся меня, дитя! — прогремел он.

Алиса посмотрела на него. Потом на цепи. Потом снова на него.

— Мне девятнадцать.

Выражение на лице Эдварда дрогнуло.

— Это не имеет отношения к делу.

— И у меня двести двадцать тысяч подписчиков. Меня уже пугали люди в комментариях. Ты сильно опоздал.

— Я не понимаю половины слов, которые ты произносишь.

— Это взаимно. Что за «дитя»?

Цепи исчезли.

— Так говорили.

— Кто?

— Люди.

— Триста лет назад?

— Почти триста.

— Двести девяносто?

— Я не считал.

— А надо было. Для анкеты.

Он приблизился.

— Ты должна покинуть этот дом.

— Почему?

— Потому что я приказываю.

— Это плохая причина.

— Потому что здесь опасно.

Вот теперь Алиса перестала улыбаться.

— Из-за тебя?

Эдвард отвёл взгляд. Пауза была слишком длинной.

— Иногда, — сказал он наконец, — опасность и тот, кто о ней предупреждает, не одно и то же.

Из-под стола выкатился маленький круглый датчик близнецов. Остановился прямо у его ботинка. Красная лампочка мигнула.

— ОБНАРУЖЕНО! — заорал записанный голос Гоши.

Эдвард исчез. Через секунду распахнулась дверь. Близнецы влетели внутрь в шлемах, с фонарями и сетью.

— ГДЕ ОН?

Алиса посмотрела на пустое место.

— Кажется, вы только что сделали то, чего я не смогла.

— Что?

— Напугали призрака.

Первые сутки после встречи с Эдвардом Алиса не могла решить, чего хочет больше: рассказать родителям или сохранить его существование единственным событием в доме, которое не принадлежит семейному аккаунту. Выбрала второе. Не из романтики. Из вредности.

Родители давно привыкли, что любая хорошая вещь должна получить заголовок, обложку и дату публикации. Алиса тоже выкладывала свои рисунки, но между «показать работу» и «показать жизнь» для неё проходила граница. Вика эту границу постоянно теряла.

Когда Алисе было пятнадцать, мать сняла её после неудачного школьного конкурса. Ролик был добрым, поддерживающим и набрал огромные просмотры. Алиса потом несколько месяцев слышала от незнакомцев: «Ой, это ты та девочка, которая плакала?» Вика искренне не понимала, почему дочь злится. После этого у них появилось правило: Алису не снимают без разрешения. Правило соблюдали примерно на восемьдесят процентов. Но чаще меньше. Для семьи блогеров это считалось выдающимся достижением. Эдвард не знал ни о правиле, ни о старой обиде.

Но Алиса уже чувствовала, что не хочет отдавать его камере раньше, чем сама поймёт, кто он. Близнецы, конечно, разрушили план за одно утро.

Глава 5. Охотники

Через три дня Эдвард признал существование близнецов стихийным бедствием. Через четыре — начал изучать их расписание. Через пять — выяснил, что расписания у них нет. Тёма и Гоша не просто искали призрака. Они строили систему.

В коридорах появились нитки с колокольчиками. Под лестницей — камера. У западной галереи — миска муки, в которой, по их убеждению, должен был оставить след «эктоплазменный объект». В библиотеке они натянули сеть из строительной лески, которая первым же вечером поймала Олега.

— Работает, — сказал Тёма, пока отец выпутывался.

— На папе.

— Он тоже объект.

Эдвард наблюдал из стены. Алиса это заметила.

— Они не уйдут, — сказала она тихо.

— Я уже понял.

— Можешь попробовать дружить.

Он медленно повернул голову.

— С ними?

— Да.

— Я был воспитан в любви и уважении к детям.

— Звучит обнадёживающе.

— Это было до знакомства с этими двумя.

В тот же вечер близнецы наконец увидели его целиком. Эдвард появился у старой лестницы, чтобы переставить подсвечник. Тёма вынырнул из-за доспехов.

— АГА!

Эдвард дёрнулся. С другого конца коридора выскочил Гоша.

— ЗАКРЫВАЙ ВЫХОД!

— У него нет выхода! Он сквозь стены ходит!

— Тогда закрывай стены!

— Чем?!

— Не знаю!

Эдвард смотрел на них, окончательно потеряв связь с реальностью.

— Вы понимаете, что я мёртв?

— Да!

— И вас это не тревожит?

— А должно?

— Обычно.

Тёма направил на него телефон.

— Скажи «бу».

— Нет.

— Для ролика.

— Нет.

— Один раз.

— Нет.

— Ты же призрак.

— Именно поэтому я не обязан выполнять ваши профессиональные требования.

Гоша подошёл ближе и протянул руку. Она прошла сквозь край сюртука. Мальчик замер. На лице впервые исчезло веселье.

— Тебе больно?

Эдвард посмотрел на его пальцы внутри голубого света.

— Нет.

— А холодно?

Вопрос застал его врасплох.

— Я не знаю.

— Как можно не знать?

— Я давно не помню, как чувствуется тепло.

Тёма опустил телефон. На несколько секунд все трое молчали. Потом Гоша сказал:

— Хочешь грелку?

Эдвард закрыл глаза. Алиса, стоявшая за углом, зажала ладонью рот, чтобы не рассмеяться. Позже она нашла на лестнице маленькую электрическую грелку. Рядом лежала записка печатными буквами:

«ЭДВАРДУ. НЕ ЗНАЕМ РАБОТАЕТ ЛИ НА МЁРТВЫХ. ВЕРНИ ЕСЛИ НЕТ».

Грелка исчезла ночью. Утром вернулась. На записке другим почерком было добавлено:

«Не работает. Но благодарю».

На следующее утро близнецы пригласили Эдварда на завтрак. Это было сказано с такой серьёзностью, будто у семьи существовала процедура официального приёма мёртвых аристократов.

— Он не ест, — напомнила Алиса.

— Может, ему просто не давали.

— Триста лет?

— Очень плохой сервис.

Эдвард появился у двери кухни и сразу остановился. Олег включил блендер. Призрак исчез. Блендер выключили. Он появился снова.

— Что это было?

— Блендер, — сказал Гоша.

— Зачем?

— Смузи.

Эдвард посмотрел на зелёную смесь в стакане.

— Это наказание?

Алиса прыснула в кофе.

— Нет. Добровольно.

— Ваш век вызывает у меня вопросы.

Тёма поставил перед ним пустую тарелку.

— Мы знаем, что ты не ешь. Просто чтобы не было неловко.

Эдвард посмотрел на тарелку. Потом на мальчика.

— Это удивительно заботливо.

— Иначе мама скажет, что у нас нет гостеприимства.

— Она уже сказала, — сообщил Гоша.

Вика вошла в кухню с телефоном, увидела Эдварда, подняла устройство по привычке и остановилась.

— Можно?

Он явно не ожидал вопроса.

— Что именно?

— Снять.

Эдвард посмотрел на Алису. Та пожала плечами.

— Можешь сказать нет.

Он подумал.

— Нет.

Вика опустила телефон.

— Хорошо.

Это был первый раз, когда камера не стала продолжением её руки. Эдвард заметил. Алиса тоже. За завтраком Олег рассказывал про умный дом. Эдвард слушал и всё больше мрачнел.

— То есть вы добровольно установили в доме устройство, которое слышит ваши разговоры?

— Оно выполняет команды.

— И хранит их?

— Ну...

Эдвард медленно повернулся к Алисе.

— Ваш прадед был бы счастлив.

— Не мой.

— После недели знакомства с вашей семьёй я уже не уверен.

Когда Алиса позже вспоминала начало их дружбы, именно этот завтрак казался ей первым утром, когда Эдвард перестал быть явлением. Он стал человеком, который ненавидел блендер. Тёма отличался от Гоши тем, что верил приборам. Гоша верил идеям. Если прибор показывал ноль, Тёма считал, что ничего нет. Гоша считал, что призрак научился обходить прибор. Это различие уже в детстве объясняло будущие академические споры. Эдвард быстро разобрался.

— Этот пытается измерить мир, — сказал он Алисе, указывая на Тёму. — А этот заранее знает ответ и строит прибор, который должен его подтвердить.

— Тебе триста лет понадобилось, чтобы изобрести научную методологию?

— Нет. Люди моего времени тоже прекрасно умели подтверждать любимые идеи.

Однажды Гоша устроил видеозвонок с одноклассником и случайно повернул камеру к Эдварду. Мальчик на экране замолчал. Эдвард тоже.

— Это кто? — спросил одноклассник.

— Наш призрак.

— Фильтр?

— Нет.

— Слабый фильтр.

Эдвард оскорбился.

— Передай этому человеку, что я существую без его одобрения.

— Он говорит, что настоящий.

— Все так говорят.

Связь оборвалась. Эдвард долго смотрел на телефон.

— Ваш век создал возможность мгновенно показать чудо другому человеку, а тот всё равно решил, что чудо ненастоящее.

Алиса пожала плечами.

— Мы адаптировались.

— К чему?

— Ко всему. Поэтому нас трудно впечатлить и легко обмануть.

Он задумался.

— Удивительно неудобное сочетание.

Глава 6. Правила охоты

Близнецы официально объявили перемирие с Эдвардом в понедельник утром. Перемирие включало три пункта. Первый: они не ставят ловушки в его любимых коридорах. Второй: Эдвард не появляется из стены прямо перед лицом после девяти вечера. Третий: если кто-то нарушает правила, спор решается «честным испытанием».

— Каким? — спросил Эдвард.

Тёма положил на стол настольную игру.

— Этим.

Эдвард посмотрел на коробку.

— Это военная стратегия?

— Почти.

Через сорок минут выяснилось, что призрак, проживший почти три века, совершенно не умеет проигрывать детям.

— Ты не можешь строить здесь.

— Почему?

— Правила.

— Они нелепы.

— Ты согласился.

— Я не был проинформирован о степени их нелепости.

Гоша торжественно забрал у него карточку.

— Налог.

Эдвард посмотрел на Алису.

— Это действительно считается развлечением?

— У людей сложные отношения со страданием.

— Замечаю.

Он проиграл. Потребовал реванш. Проиграл снова. На третьей партии начал читать правила внимательнее и выиграл с таким достоинством, будто вернул фамильное поместье после войны.

— Нечестно, — сказал Тёма.

— Я изучил систему.

— Ты старый.

— Это преимущество, которое вы до сих пор использовали против меня как оскорбление.

К обеду у них появились внутренние шутки. Гоша попытался научить Эдварда хлопать ладонями для какого-то танца. Эдвард не мог издать звук, потому что руки проходили друг сквозь друга. Все замолчали. Потом он сам сказал:

— Наконец-то нашёл занятие, в котором моя смерть даёт объективное преимущество: я не сбиваюсь с ритма шумом.

Тёма засмеялся первым. Алиса смотрела из дверей. Она ещё не знала Эдварда достаточно хорошо, чтобы понимать, насколько редким было это состояние. Он не играл роль. Не был хозяином дома. Не был привидением. Не был обвиняемым из легенды. Просто сидел с двумя детьми за столом и спорил из-за картонной карточки. И, возможно, именно поэтому позже рискнул ради них собой.

На третий день перемирия Олег попытался договориться с Эдвардом о «контролируемом появлении» для короткого ролика.

— Никаких цепей, — объяснял он. — Просто проходишь на заднем плане. Пять секунд. Даже лицо не обязательно.

— Нет.

— Три секунды.

— Нет.

— Две.

— Сударь, если вы продолжите уменьшать предложение, в конце концов мы договоримся о том, что меня вообще не будет в кадре.

Олег задумался.

— Это, кстати, тоже концепция.

Вика фыркнула в чашку. Алиса отвернулась к окну, чтобы Эдвард не увидел, как она улыбается.

— Вы удивительные люди, — сказал он.

— Ты это говоришь как ругательство, — заметила Алиса.

— Я ещё не решил.

Через минуту Гоша внёс красную грелку как дипломатический подарок, и переговоры окончательно потеряли достоинство. Позже Алиса увидела, как Эдвард стоит один в часовне с этой нелепой красной вещью в руках. Он не чувствовал её тепла, но всё равно держал. Она не вошла. Некоторые моменты лучше не превращать даже в разговор.

Глава 7. Маленькие светящиеся коробочки

Первое, что Эдвард понял про телефон: люди смотрят в него чаще, чем друг на друга. Второе: телефон умеет почти всё, кроме того, чтобы оставить человека в покое. Он стоял за плечом Алисы, пока она загружала новый рисунок.

— Ты отправила его куда-то?

— В интернет.

— Это место?

— Скорее всё сразу.

Эдвард нахмурился.

— Объясни.

Алиса подумала.

— Представь огромный город, где у каждого есть окно. Все стоят у окон и что-нибудь показывают. Картины. Кошек. Завтрак. Чужие ошибки. Советы, которых никто не просил.

— Ад.

— Иногда.

На экране начали появляться сердечки. Эдвард наклонился ближе.

— Они голосуют?

— Ставят лайки.

— За что?

— Им понравился рисунок.

— Двадцать семь тысяч человек сообщили тебе, что им понравилось?

— Примерно.

Он внимательно посмотрел на Алису.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя оскорбили?

— Потому что один написал, что раньше было лучше.

Эдвард перевёл взгляд на комментарий.

— Ты знаешь этого человека?

— Нет.

— Он художник?

— Не знаю.

— Значит, двадцать семь тысяч людей тебе понравились меньше, чем один неизвестный человек не понравился?

Алиса медленно повернулась к нему.

— Ты триста лет не пользовался соцсетями. Не начинай сразу побеждать.

— Я ничего не понимаю.

— Вот это и раздражает.

Он улыбнулся. Она тоже. Алиса открыла музыку.

— Ладно. Смотри, что ещё умеет светящаяся коробочка.

Несколько секунд играл Моцарт. Эдвард перестал улыбаться.

— Это запись?

— Да.

— Его нет. Но музыка осталась?

— Теперь почти всё где-нибудь остаётся.

Он слушал молча. Потом сел рядом. Стул, разумеется, не прогнулся.

— Что ещё?

Алиса показала карту мира. Сначала Англию. Потом уменьшила масштаб. Европу. Океан. Африку. Америку. Открыла фотографии ночного Токио, Рима, Нью-Йорка, пустыни, северного сияния, Земли из космоса. Эдвард постепенно перестал задавать вопросы.

Голубой свет экрана скользил по его лицу, и Алиса вдруг увидела не призрака, не владельца замка и не имя из легенды. Двадцатиоднолетнего мужчину. Слишком молодого для того количества времени, которое прошло после его смерти. На экране появился океан, снятый из самолёта.

— Боже правый, — тихо сказал Эдвард. — Сколько же я всего не увидел.

Алиса перестала листать.

— Ты никогда не был у моря?

— Был.

— Тогда почему такое лицо?

Он едва заметно улыбнулся.

— Потому что никогда не видел его сверху.

— Я тоже.

Эдвард повернулся к ней.

— Но можешь.

Два простых слова почему-то попали точно туда, куда не должны были. Алиса отвела взгляд на экран.

— Теоретически.

— Что тебе мешает?

— Жизнь.

— Чрезвычайно странный ответ от живого человека.

Она хотела отшутиться. Не получилось.

— Родители. Работа. Рисунки. Я даже не знаю, куда хочу ехать.

— Значит, можно узнать.

— Легко говорить человеку, который почти три века не может уйти далеко от замка.

— Именно поэтому и говорю.

Алиса посмотрела на него. Эдвард не отвёл глаз. Между ними лежал телефон, в котором помещался целый мир. Секунда. Потом ещё одна.

Она вдруг слишком хорошо заметила его глаза. Не голубое свечение вокруг них, а сами глаза. Тёмные, внимательные, живые настолько, насколько вообще могли быть живыми глаза мёртвого человека. Эдвард заметил, что она смотрит. Его улыбка исчезла первой. Не потому, что стало неприятно. Как раз наоборот. Он опустил взгляд.

— Покажи ещё.

— Что?

— Что-нибудь, чего я никогда не видел.

Алиса сглотнула.

— Это довольно широкий запрос.

— У меня было почти триста лет, чтобы его сформулировать.

Она снова стала листать фотографии. Только теперь на экран смотрела заметно реже. Позже Алиса поймала себя на том, что рисует окно библиотеки. Возле него оставалось пустое место в форме человека. Она сердито заштриховала его. Через минуту стёрла.

Глава 8. Не та дверь

История с ванной случилась в воскресенье и стала первым событием в жизни Эдварда, после которого он всерьёз задумался, нельзя ли умереть второй раз.

Алиса вымыла голову, надела длинный тёмно-зелёный халат и стояла перед зеркалом, пытаясь понять, почему влажные волосы всегда выглядят как доказательство личной катастрофы. В стене позади неё появился Эдвард. Он возник не специально. По крайней мере, именно так утверждал потом.

— Алиса, я хотел спросить...

Она не услышала из-за фена. Эдвард поднял взгляд. Застыл. Отвёл глаза. Сделал шаг назад и вместо стены столкнулся с ванной, сквозь которую, разумеется, прошёл, но это никак не помогло его достоинству. Алиса выключила фен. Ей показалось, что в зеркале за спиной что-то голубое мелькнуло. Она обернулась. Никого.

— Эдвард?

Тишина. В коридоре призрак стоял, прислонившись к стене, и выглядел так, будто только что пережил артиллерийский обстрел. Близнецы обнаружили его через минуту.

— Ты светишься сильнее.

— Уйдите.

— А лицо почему красное?

— Я не красный.

— Красный.

— Призраки не краснеют.

Гоша прищурился.

— Этот краснеет.

Эдвард исчез. За обедом он не появился. Вечером тоже. Алиса нашла его только ночью в библиотеке.

— Это был ты?

— Я не понимаю, о чём ты.

— В ванной.

— Никогда не слышал о такой комнате.

— В замке их шесть.

— Тем более.

Алиса начала смеяться. Он посмотрел на неё с таким оскорблённым достоинством, что стало ещё хуже.

— Я случайно оказался там.

— Конечно.

— Я проходил по старому коридору.

— Который теперь проходит через мою ванную?

— Его не было там раньше.

— Ванную передвинули?

— Стену.

Она наконец перестала смеяться.

— Подожди. Ты правда ходишь по коридорам внутри стен?

— Некоторые сохранились.

— Некоторые?

Эдвард вздохнул.

— Мой прадед был параноиком.

— Насколько?

— Однажды он построил лестницу, ведущую к двери, за которой была стена, чтобы убийца потерял время.

— Его пытались убить?

— Нет.

— Понимаю.

— Он не понимал. Именно поэтому прожил долго.

Алиса села напротив.

— Покажешь проходы?

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, которому показали все тайные ходы в этом доме, однажды использовал их не по назначению.

Она заметила, как изменился его голос.

— Кто?

Эдвард поднялся.

— Доброй ночи, Алиса.

— Эдвард.

Но он уже исчез. Впервые Алиса подумала, что тайные проходы в замке строили не только для того, чтобы прятаться. Иногда они были удобны, чтобы следить.

За два дня до находки за гобеленом Алиса всё-таки уговорила Эдварда показать ей один из безопасных проходов.

— Один, — сказал он.

— Два.

— Один.

— Полтора.

— Как выглядит половина прохода?

— Не знаю. Покажешь.

Он повёл её за панелью библиотеки. Коридор был таким узким, что Алисе пришлось идти боком. Камень пах сыростью. Иногда из стен торчали крошечные смотровые отверстия.

— Это всё сделал твой прадед?

— Большую часть. Некоторые ходы старше.

— Для чего этот?

— Чтобы слушать столовую.

— Зачем?

— Он считал, что за ужином люди говорят правду, когда думают, что хозяин ушёл.

— И говорил?

— Нет. Они обсуждали пищеварение.

Алиса рассмеялась. За следующим поворотом был крошечный балкон внутри стены. Через решётку открывался вид на большой зал.

— Элеонора тоже знала эти места?

Эдвард замер.

— Некоторые.

— Она следила за тобой?

— Алиса.

— Это вопрос.

— Это вопрос, на который я не хочу отвечать.

— Потому что ответ «да»?

Он посмотрел на неё устало.

— Потому что однажды я позволил ей узнать почти все мои привычки, надеясь, что знание успокоит её. Оно только дало больше вещей, о которых можно тревожиться.

Алиса провела пальцем по решётке.

— Ужасно современно звучит.

— Что?

— Геолокация, пароль от телефона, «покажи, где ты». Люди до сих пор думают, что контроль лечит страх.

— Лечит?

— Нет.

— Тогда ваш век всё же чему-то научился.

— Теоретически. Но мы придумали для этого названия.

Эдвард улыбнулся. Потом показал ей лестницу, которая заканчивалась кирпичной стеной.

— Это половина прохода, — сказал он.

Алиса признала поражение. В документах Кентервиля действительно нашлась история сэра Абрахама. Олег прочитал вслух за ужином.

— «В 1712 году сэр Абрахам приказал создать дополнительную систему проходов после получения анонимного письма с угрозами».

— Его правда хотели убить! — сказал Тёма.

— Дальше, — сказала Алиса.

Олег продолжил:

— «Позже выяснилось, что письмо написал его кузен в шутку».

Тёма разочарованно отложил вилку.

— И он всё равно строил тоннели тридцать лет?

— Судя по расходам, да.

— Легенда.

Гоша немедленно назначил Абрахама «первым охотником на заговорщиков». Эдвард, слушавший из угла, тихо сказал:

— Он запирал сахар под ключ, потому что подозревал повара в государственной измене.

— И что? — спросил Гоша.

— Ничего. Просто хочу, чтобы ваш герой был представлен полностью.

Алиса спросила:

— Ты его знал?

— Нет. Но последствия его характера всю мою жизнь были в стенах.

Эдвард посмотрел на одну из панелей.

— Иногда архитектура переживает человеческую тревогу намного дольше самого человека.

Алиса запомнила эту фразу. Позже она поймёт, что это верно не только для стен. Когда Алиса выбиралась из прохода, рукав зацепился за камень. Эдвард машинально протянул руку помочь и остановился раньше, чем коснулся.

— Я сама, — сказала она.

— Я вижу.

Но его ладонь ещё секунду оставалась в воздухе. Алиса выбралась и сделала вид, что поправляет волосы. Сердце почему-то било слишком быстро для человека, который просто пролез через стену.

— Ты всегда такой воспитанный?

— Нет. Только когда особенно стараюсь не быть невоспитанным.

— Очень понятное объяснение.

— Я учусь у вашей семьи.

Она рассмеялась. Из столовой донёсся голос Вики: «Олег, дубль ещё раз, у тебя лицо как будто чай тебя предал». Эдвард посмотрел в решётку.

— Я начинаю понимать, почему вы иногда прячетесь в стенах добровольно.

— Видишь? Замок уже приносит пользу.

Глава 9. За гобеленом

Старые дома выдают тайны не тогда, когда их ищешь. Они делают это, когда уверены, что ты уже достаточно испорчен любопытством. Алиса искала розетку. Позже Эдвард назовёт это самым унизительным способом раскрытия семейной тайны.

За тяжёлым гобеленом в западной галерее оказался выступ. Алиса оттянула ткань, увидела резную деревянную панель и нажала на маленькую розу. Щёлкнуло.

— Ну конечно.

Панель отступила. За ней была маленькая комната без окон. Пыль, сухие цветы, стол, два кресла и огромный портрет под полотном. На столе лежала засохшая ветка миндаля. Алиса сняла ткань с картины. Эдварда узнала сразу. Живого.

Тёплая кожа вместо голубого свечения. Тёмные волосы аккуратно уложены. Прямая спина. Рука на спинке кресла. И улыбка, которой у призрака она ещё ни разу не видела. Рядом сидела светловолосая женщина. Алиса знала это лицо по гравюрам и статьям.

— Элеонора.

За спиной стало холоднее.

— Ты не должна была сюда входить.

Эдвард стоял у двери. Лицо закрылось так быстро, будто внутри него захлопнули ставни.

— Так это она, — сказала Алиса.

Он ничего не ответил. До этой секунды Элеонора была именем. Женщиной из старой газетной заметки. Телом у лестницы. Центральной фигурой легенды, в которую Алиса не верила.

На портрете она была молодой. Красивой. Пальцы лежали поверх руки Эдварда так естественно, будто никогда не существовало времени, когда они могли друг друга ненавидеть. Под рёбрами неприятно кольнуло. Алиса сразу разозлилась на себя.

Ревновать мёртвого мужчину к его мёртвой жене было достижением, которым не стоило делиться даже с психотерапевтом.

— В интернете пишут, что ты её убил.

Эдвард посмотрел на неё.

— В интернете обо мне пишут чрезвычайно много.

— Ты читал?

— Близнецы позаботились. Я впервые узнал, что был сатанистом, двоеженцем и, кажется, французом.

Алиса фыркнула.

— Француз особенно убедительно.

— Именно это меня и оскорбляет.

Она улыбнулась. Он — нет.

— Я не верю этой легенде, — сказала Алиса.

Эдвард резко поднял глаза.

— Почему?

— Потому что там есть тело, исчезнувший муж и пропавшие ценности. Но нет доказательства, что одно сделал другой.

— Ты защищаешь человека, которого знаешь меньше двух недель.

— Я защищаю причинно-следственные связи.

— Как романтично.

— А ты хотел романтики?

Фраза вылетела раньше, чем Алиса успела её остановить. Они оба замерли. Воздух между ними будто стал плотнее. Эдвард первым отвёл взгляд.

— Нет.

Слишком быстро.

— Хорошо, — сказала Алиса.

И именно поэтому стало совсем не хорошо. Она снова посмотрела на Элеонору.

— Вы действительно поженились по любви?

— Да.

— Были счастливы?

Пауза.

— Да.

Два ответа были хуже уклонения. В них было столько памяти, что Алиса почувствовала себя лишней в комнате, где все трое давно мертвы — двое буквально, одна только в собственной глупой надежде на что-то невозможное. В углу стояло зеркало, накрытое плотной тканью. Алиса сделала шаг.

— Не трогай.

Эдвард сказал это слишком резко.

— Что с ним?

— Ничего, что тебе нужно знать.

— Ты понимаешь, что такими словами делаешь всё только интереснее?

— Алиса.

— Не трогаю.

Она подняла руки. Пока. Эдвард, кажется, услышал невысказанное слово.

— Иногда твоё любопытство выглядит как стремление к самоубийству.

— Тогда тебе должно быть приятно встретить единомышленника.

Он исчез. Алиса осталась перед портретом. Ей хотелось понять уже не то, как умерла Элеонора. А как два человека дошли от такой улыбки до истории, которую три века рассказывали как убийство.

Глава 10. Лучший эфир в нашей жизни

Ночной стрим был идеей Олега. Через пятнадцать минут Вика называла его «нашим главным событием месяца», близнецы «операцией», а Алиса «коллективным помешательством». Запретный зал превратился в студию. Камеры. Кабели. LED-панели. Датчики движения. Ноутбуки. Запасные аккумуляторы.

— Пап, не надо туда лезть, — сказала Алиса в третий раз.

— Мы никуда не лезем. Мы ждём.

— Под восемью лампами.

— Зрителю должно быть видно, чего он боится.

Вика поправила микрофон.

— Главное, не перекрикивайте друг друга.

— Мы никогда!

— ТЫ ВСЕГДА!

— Сам всегда!

Алиса закрыла глаза. Олег включил эфир.

— Друзья, сегодня ночной стрим из замка с призраком! Никакого монтажа. Всё, что увидите, происходит прямо сейчас.

Число зрителей росло ещё до того, как произошло что-либо. Первый час Эдвард не появлялся. В комментариях начали писать «постановка», «где ваш призрак», «верните деньги», хотя эфир был бесплатным. Олег нервничал.

— Он специально.

— Конечно, — сказала Алиса. — Триста лет ждал, чтобы испортить тебе удержание.

Потом погас первый датчик. За ним второй. Температура возле лестницы упала. Близнецы завизжали.

— ОН ЗДЕСЬ!

Эдвард появился в дальнем конце зала. Комментарии взорвались. Олег даже перестал моргать.

— Не подходи, — сказала Алиса.

Эдвард смотрел не на неё. На лампы.

— Выключите это.

— Мы тебя почти не видим, — ответил Олег. — Чуть ближе.

— Пап.

— Секунду.

Эдвард сделал шаг. Голубой контур вокруг него дёрнулся. Его лицо исказилось. Алиса сразу увидела разницу. Не роль. Боль.

— Выключи!

— Что?

— Ему плохо!

Вика опустила телефон на несколько сантиметров. Олег смотрел на экран. Онлайн перевалил за двести тысяч.

— Основную не выключай.

Эдвард согнулся. В следующую секунду погасли все лампы. Бокал поднялся со стола и разлетелся о стену. Штатив опрокинулся. Двери начали хлопать одна за другой.

— Он настоящий! Вы видите?! — кричали близнецы. — Снимай, снимай!

— ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!

Голос Эдварда ударил по залу. Камеры зависли в воздухе на секунду, продолжая транслировать. Олег смотрел на цифры.

— Это... невероятно.

— Ты издеваешься?! — Алиса толкнула его руку вниз. — ЕМУ БОЛЬНО!

Эдвард поднял голову. В его лице почти не осталось того юноши, которого она видела в коридоре. Алиса встала перед камерой.

— Эдвард. Посмотри на меня.

Предметы вокруг дрожали.

— Хватит.

Он увидел её. Ветер стих.

— Ты защищаешь меня или их?

В его глазах отразилось столько боли, что Алиса отвела взгляд. Камеры упали. Эдвард исчез. Тишину первой нарушила система уведомлений. Олег медленно посмотрел на экран.

— Четыреста двадцать тысяч.

Вика выдохнула:

— Олег...

— Четыреста двадцать тысяч одновременно.

Близнецы начали прыгать. Алиса посмотрела на родителей.

— Тогда у нас очень плохая жизнь.

Она ушла. Эфир продолжал расходиться по сети ещё до того, как закрылась дверь.

Глава 11. Её звали Элеонора

Алиса нашла Эдварда в библиотеке через час после стрима. Он сидел возле потухшего камина. Так сидят живые люди, когда слишком устали стоять. В случае Эдварда это было физически бессмысленно и поэтому особенно заметно. Алиса остановилась в дверях.

— Я не знала, что тебе может быть больно.

— Теперь знаешь.

— Они тоже не знали.

— Они и сейчас заняты не этим.

Снизу донёсся счастливый крик Олега:

— ПОЛМИЛЛИОНА!

Эдвард поднял бровь. Алиса поморщилась.

— Да. Плохой аргумент.

Она вошла и села напротив. Некоторое время оба слушали, как далеко внизу родители обсуждают цифры.

— Почему ты остановила их? — спросил Эдвард.

— Потому что тебе было больно.

— Они твоя семья.

— И?

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал вопрос. Алиса первой отвела глаза.

— Ты мог уйти.

— Это мой дом.

— Ты всегда говоришь это, когда не хочешь отвечать.

— Работает?

— Уже нет.

Алиса вспомнила комнату за гобеленом.

— Расскажи про Элеонору.

Эдвард долго смотрел в холодный камин.

— Мы познакомились весной.

Голос изменился. Стал тише.

— Она смеялась над всем, что в моём доме считалось серьёзным. Над портретами. Над моим дядей. Над тем, как я читал стихи.

— Плохие?

— Некоторые.

— Уже хочу прочитать.

— Никогда.

Уголок его губ дрогнул.

— Я влюбился почти сразу. Она — чуть позже, если верить ей самой. Мы поженились по любви. Это важно.

Алиса не спросила, почему важно. По его лицу было понятно.

— Тогда замок был другим, — продолжил Эдвард. — Здесь было шумно. Гости. Музыка. Слуги. Ужин мог длиться до полуночи. Элеонора ненавидела тишину.

— А ты?

— Любил.

— Удобный брак.

Он усмехнулся.

— Сначала.

Алиса почувствовала, как напряглась.

— Что случилось потом?

— Не что-то одно.

Он встал и прошёл к окну.

— Сначала ей стало казаться, что о ней говорят. Потом — что на меня слишком долго смотрят. Потом — что я слишком долго смотрю на других. Она перестала спать. Иногда у неё были дни, когда всё снова становилось прежним. Очень хорошие дни. Из-за этого плохие всегда казались временными.

— Она думала, что ты ей изменяешь?

Эдвард повернулся.

— Да.

— А ты?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Ты вызывал врача?

— Нескольких.

— И?

— Они были чрезвычайно уверены. Это всё хорошее, что я могу о них сказать.

Он попытался улыбнуться, но не получилось.

— Я не хочу продолжать.

— Почему?

— Потому что если рассказывать историю достаточно долго, начинаешь выбирать детали, которые делают тебя правым.

— А ты не хочешь быть правым?

— Я хочу, чтобы ничего этого не было.

Дверь распахнулась. Тёма вошёл первым, с планшетом в руках. Гоша почти налетел на него сзади.

— Алиса! Это не просто легенда!

— Что именно?

— Мы нашли архив.

— Скан архива, — автоматически поправил Тёма. — И старую газету.

Алиса устало протянула руку. На экране была цифровая копия газетной полосы 1739 года. Не сайт с красным заголовком. Не блог. Оригинальный текст, кривые буквы, дата. Элеонора Кентервиль найдена мёртвой у большой лестницы. Сэр Эдвард Кентервиль отсутствует.

Часть фамильных ценностей не обнаружена.

Слуги опрошены. Алиса знала эту легенду годами — точнее, несколько недель, но интернет умел создавать ощущение древнего знания. И всё равно увидеть первичный документ оказалось иначе.

— Я знала про смерть, — тихо сказала она.

Гоша ткнул пальцем в экран.

— Но вот это настоящее. И ещё запись из церковной книги. И опись имущества.

Алиса подняла взгляд на Эдварда.

— Элеонору действительно нашли у лестницы? Это её кровь в зале?

— Да.

— После этого ты исчез?

Пауза.

— Да.

— И ценности пропали?

Эдвард не ответил. Алиса медленно встала.

— Где ты был?

Он побледнел сильнее обычного.

— Не могу сказать.

— Почему?

— Алиса.

— Нет. Сейчас не «Алиса». Ты только что рассказал мне про её подозрения, врачей, зеркала. Всё до самой важной ночи. А потом — «не могу»? Ты действительно её убил?

— Дай мне объяснить.

— Объясни.

Эдвард открыл рот. И ничего не сказал. Это оказалось хуже любой плохой версии.

— Я всё ещё не говорю, что верю легенде, — сказала Алиса тише.

В его лице на секунду появилась надежда.

— Но я больше не знаю, верю ли тебе.

Она сделала шаг назад, когда он двинулся к ней.

— Не подходи. Пожалуйста.

Эдвард остановился. Гоша опустил планшет. Даже Тёма молчал.

— Ты никогда не знала меня, — сказал Эдвард.

— Возможно. Может, потому что ты мертв.

Она сказала это и сразу пожалела. Но Алисе хотелось, чтобы ему было так же больно. Он исчез. Алиса смотрела на место, где только что стоял человек, которого она несколько минут назад хотела узнать ближе. Теперь ей хотелось одновременно вернуть его и никогда больше не видеть. Оба желания были одинаково сильными.

Часть II. Две исповеди

Глава 12. После эфира

К утру стрим посмотрели миллионы. Не запись. Не монтаж. Не тщательно собранный ролик. Именно живой хаос, в котором призрак кричал, техника ломалась, близнецы прыгали от счастья, а Алиса пыталась остановить то, что остальные считали лучшим контентом года. Олег спал сорок минут. Вика не спала вообще. За завтраком они сидели перед ноутбуками.

— Плюс сто восемьдесят тысяч подписчиков, — сказал Олег.

— Уже двести десять.

— Три предложения от платформ. Два бренда хотят интеграцию.

— Клининг написал.

— Почему клининг?

— «Очистим даже проклятый замок».

Олег поднял голову.

— Это гениально.

Алиса стояла у кофемашины и чувствовала, как внутри медленно закипает что-то неприятное.

— Вы вообще понимаете, что вчера произошло?

— Конечно, — сказала Вика. — У нас чуть техника не сгорела.

— Эдварду было больно.

Мать на секунду замолчала.

— Я видела.

— И?

— И мне это не понравилось.

— Очень сильная моральная позиция.

Олег закрыл одну вкладку.

— Алиса, эфир уже произошёл. Мы не можем сделать вид, что его не было.

— Можно хотя бы не радоваться так, будто вы выиграли лотерею.

— А если это оплачивает содержание дома? И вас? — спросил он.

Она повернулась. Олег устало потер лицо.

— Этот замок жрёт деньги. Отопление, крыша, страховка, ремонт. Твои хотелки и близнецов. Утром у тебя всегда есть завтрак. И модные вещи. Блог — не хобби. Это наша работа.

— Я знаю.

— Тогда почему говоришь так, будто мы просто два идиота с телефонами?

Алиса посмотрела на него.

— Потому что иногда вы именно так и выглядите.

Тишина. Вика первой хмыкнула.

— Справедливо.

Олег не улыбнулся. Это было даже хуже. Алиса ушла наверх. Телефон разрывался от уведомлений. Её имя тоже попало в обсуждения.

«Девочка реально влюбилась в призрака?»

«Она его защищает, значит постановка».

«Нет, она единственная нормальная в этой семье».

«Призрак токсичный».

«Срочно психолога всем».

«Да это же ИИ! Вас разводят».

Она выключила звук. В какой-то момент поняла, что ищет в коридоре холодный свет. Эдвард не появлялся. Это было правильно. И невыносимо.

К обеду Олег составил таблицу предложений от брендов. Вика сидела рядом и сортировала их на «совсем стыдно», «стыдно, но дорого» и «можно подумать».

— Производитель датчиков хочет сделать специальную линейку Ghost Edition, — сказал Олег.

— Нет, — отрезала Алиса.

— Я ещё цену не сказал.

— Цена не изменит слово «нет».

— Это очень молодая позиция.

— Это очень старая отговорка.

Вика подняла голову от экрана.

— Алиса, мы не будем заставлять Эдварда сниматься. С ним невозможно договориться. Некоторая техника вышла из строя.

— Вы вчера именно это и сделали.

Мать поджала губы.

— Вчера мы не понимали.

— А сегодня понимаете и всё равно обсуждаете Ghost Edition.

Олег закрыл ноутбук чуть резче, чем нужно.

— Потому что завтра придёт счёт за отопление. И крыша сама себя не починит. Мне тоже не нравится, что всё превращается в деньги.

Вика рассерженно посмотрела на Алису.

— Алиса, я не хотела обслуживать весь интернет, дом, мужа и детей. Но когда у тебя дом на сорок комнат, семья и счета, романтика заканчивается на первой квитанции.

Алиса хотела ответить. Не ответила. Ей всё ещё казалось, что родители ведут себя отвратительно. Но впервые она увидела под восторгом от цифр другое: страх. Олег считал просмотры так же, как другие люди считают деньги на карте перед оплатой аренды. Это ничего не оправдывало. Просто делало его человеком, а не карикатурой.

Глава 13. Кто убедительнее

Через два дня у семьи появился «эксперт». Его звали Марк Вейл. В интернете он представлялся исследователем пограничных явлений, специалистом по энергетике старых домов и автором курса «Как распознать чужое влияние до того, как оно разрушит вашу жизнь». У него было полтора миллиона подписчиков. Олег пригласил его на совместный эфир.

— Нет, — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что он ещё вчера продавал амулеты от энергетических вампиров.

— Это другой продукт.

— Пап.

— Я не говорю, что верю ему. Я говорю, что аудитории интересно.

Марк появился на экране в идеально белой рубашке и говорил тем голосом, которым люди сообщают очевидные вещи, даже когда впервые слышат вопрос.

— По записи видно: сущность привязана к дому, обладает агрессивным паттерном, высоким уровнем контроля и, вероятно, историей насилия.

Алиса стояла за камерой и почувствовала, как сжались пальцы.

— Вы его знаете? — спросила она.

Марк улыбнулся.

— Я знаю тип.

— По тридцати секундам видео?

— Профессионалу иногда достаточно десяти.

— Удобно.

Он не обиделся.

— Скепсис — нормальная защитная реакция.

Алиса посмотрела на отца.

— Видишь? Что бы я ни сказала, он уже прав.

Олег тихо шикнул. Во время эфира комментарии разделились на лагеря. Через двадцать минут фраза «сущность четвёртого уровня» уже гуляла по сети как факт. Никто не спросил, существует ли первый уровень.

После эфира Марк предложил семье набор «очищающих свечей» за цену, за которую можно было починить два окна западной башни. Олег отказался.

— Совсем совесть потеряли, — сказал он.

Алиса засмеялась.

— Где именно проходит твоя граница между ерундой и бизнесом?

— По маржинальности.

Вечером близнецы снимали собственный ролик.

— Наш призрак убийца или жертва? Пишите в комментариях!

— Удалите, — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что вы вообще ничего не знаете.

Тёма пожал плечами.

— Но люди всё равно спорят.

Гоша добавил:

— У кого больше лайков, тот пока прав.

Алиса замерла. Дети сказали это без иронии. Именно поэтому стало неприятно. В ту ночь она впервые подумала, что Эдвард мог триста лет быть виновным просто потому, что его

версия никто не услышал. А потом вспомнила лицо Элеоноры на портрете. И сказала себе, что это ещё ничего не доказывает.

Марк Вейл не приехал в замок только потому, что Алиса пригрозила лично закрыть ворота. Зато он выпустил часовой разбор их стрима. На обложке было лицо Эдварда, обведённое красным, и надпись: «ОН УЖЕ ВЫБРАЛ ЖЕРТВУ?» Стрелка указывала на Алису. Она увидела ролик ночью. Пальцы похолодели не от призрака. Эдвард появился рядом бесшумно.

— Почему там моё лицо?

Алиса заблокировала экран.

— Потому что человек зарабатывает на уверенности.

— В чём он уверен?

— Во всём. Это продукт.

Эдвард некоторое время смотрел на погасший телефон.

— А стрелка указывает на тебя.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы люди нажали.

Он нахмурился так, будто пытался найти в этом моральную систему и не обнаруживал даже плохой.

— Я могу его напугать?

Алиса рассмеялась.

— Он в Лондоне.

— Жаль.

Тишина после смеха оказалась неожиданно тёплой. Потом Алиса вспомнила, что они всё ещё почти не разговаривают, и улыбка исчезла. Эдвард заметил. Но ничего не спросил.

Глава 14. Комната Элеоноры

Эдвард не появлялся четыре дня. На пятый Алиса перестала считать. Она рисовала плохо. Не технически. Руки знали, что делать. Линии ложились точно. Цвета смешивались правильно. Просто всё получалось пустым. Она удалила три рисунка подряд. Потом легла на кровать, не раздеваясь, и расплакалась от злости на себя. Не потому что считала Эдварда невиновным. Не потому что считала виновным.

Потому что хотела, чтобы он оказался тем человеком, которого она уже успела увидеть между всеми его театральными угрозами. А это было почти то же самое, что заранее выбрать версию. Утром управляющий архивом прислал ей старый план комнат. Северная спальня, в которой жила Алиса, когда-то принадлежала Элеоноре. Она перечитала сообщение три раза. Потом осмотрела комнату заново. На дверце шкафа нашла едва заметную букву Е. На внутренней стороне секретера — вырезанный венок. Под подоконником — маленькую царапину, похожую на слово, но стёртую временем. Алиса стояла перед зеркалом.

В этой же комнате Элеонора могла собирать волосы. Ждать Эдварда. Ссориться с ним. Сидеть ночью, когда весь дом уже спал. Целовать его.

По спине прошёл холод. И что-то внутри кольнуло. Нет. Она не могла ничего изменить. Но почему-то дышать стало сложно. Она накрыла зеркало тканью.

— Это рациональная мера, — сказала себе.

Из стены очень тихо донёсся скрип. Алиса обернулась. Никого. В старом проходе за стеной стоял Эдвард. Он слышал её шаги. Знал, что она плакала ночью. Видел, как она накрыла зеркало. И не вошёл. Ему хотелось объяснить.

Но объяснение, которое дают человеку против его воли, слишком часто похоже на оправдание. Поэтому он ушёл глубже в стены. Алиса увидела только слабый голубой отблеск под панелью. Она не стала звать. На пятый день Алиса перестала искать Эдварда взглядом. На шестой поняла, что просто научилась делать это незаметно.

Она выбирала длинный путь до кухни, потому что короткий проходил мимо библиотеки. Потом злилась и всё равно заходила туда за книгой, которая ей не была нужна. Однажды увидела голубой свет под дверью. Остановилась. С той стороны тоже стало тихо. Она могла открыть. Не открыла. Через минуту свет исчез.

Алиса прижалась затылком к холодной стене и подумала, что ненавидит зрелые решения. Они почти никогда не приносили облегчения сразу. Первые дни эта комната была для неё единственным убежищем в доме. Она любила высокие окна, любила, как утренний свет ложился на половицы ровными, почти правильными прямоугольниками, любила тишину, в которой не было слышно ни работы блендера, ни бесконечных споров родителей. Ей казалось, что это пространство — её. А потом пришло осознание.

Сначала — едва заметное ощущение, будто на неё смотрят. Потом — холод, который не имел ничего общего с ноябрьской погодой. Она поняла, что каждый предмет здесь — от тяжёлого трюмо до выцветших портьер — был выбран не ею. И даже не для неё. С каждым днём комната становилась всё менее «её» и всё более «Элеоноры».

Алисе начало казаться, что стены впитывают чужие привычки. Она ловила себя на том, что обходит те места, где, как ей представлялось, когда-то могла стоять хозяйка замка. Она стала бояться смотреть в зеркало дольше нескольких секунд, ожидая увидеть в отражении не себя, а ту, другую женщину. Но хуже всего были ночи.

Сны стали навязчивыми, яркими, почти осязаемыми. Она больше не понимала: спит она или бродит по замку в бреду. В этих снах всё было по-другому — там Эдвард не был призраком, скованным стенами и страхом. Там он был живым, настоящим, он смеялся, касался её волос и между ними не было трёх столетий, секретов и недомолвок.

Она просыпалась с тяжёлым сердцем, с ощущением утраты чего-то, что ей никогда не принадлежало. Ей хотелось закрыть глаза и немедленно вернуться туда, в ту нереальную, но такую сладкую жизнь, где он касался её руки, а не проходил сквозь неё.

Реальность с её камерами, счетами и «контентом» становилась серой и ненужной. Алиса ловила себя на том, что днём она только и ждёт ночи, чтобы снова потеряться в этих странных снах, где она, наконец, была с ним. Там она была более живой.

Глава 15. Привидение против клининга

Клининг приехал по рекламному контракту. Олег назвал это «идеальным нативным продолжением вирусного эфира». Алиса назвала это «дном». Вика сказала:

— Если за дно платят отопление за два месяца, я готова обсудить терминологию.

Бригада вошла в замок с промышленными пылесосами, парогенераторами и уверенностью людей, которым заранее сказали, что привидение — часть шоу. Эдвард узнал о них последним. Он как раз снова подкрашивал пятно. Алиса поймала его на месте преступления.

— Ты серьёзно?

В его руке была кисть, почти прозрачная от усилия, а на полу лежал открытый тюбик зелёной краски. Пятно было зелёным.

— Бордовая закончилась.

— Ты всё это время его рисовал?

— Оно должно быть на месте.

— Зачем?

— Традиция.

— Ты триста лет поддерживал легенду о крови собственной жены зелёной краской?

— Раньше не нужно было рисовать так часто. Сегодня техническая трудность.

Она хотела рассмеяться. Вспомнила, что не разговаривает с ним. Лицо стало холодным. Эдвард тоже это заметил. В этот момент включился промышленный пылесос. Он вздрогнул.

— Что это?

— Пылесос.

Машина заревела громче. Эдвард отступил.

— Зачем он так звучит?

— Потому что работает.

— Прекратите.

— Не мне говори.

Рабочий направился к пятну.

— Вот это надо вывести?

Олег кивнул камере:

— Проверяем, справится ли профессиональная химия с трёхсотлетним проклятием.

Эдвард появился прямо перед работником.

— Не трогайте.

Тот моргнул.

— О, эффект классный.

— Что?

— Очень реалистично.

Он продолжил распылять средство. Эдвард посмотрел на Алису.

— Я предупреждал.

— Меня?

— Всех.

Через секунду свет погас. Пол дрогнул. Из зеркал одновременно донёсся треск. Пылесос сам поехал назад. Рабочий наконец перестал улыбаться. Через двадцать восемь секунд бригада была на улице.

Один человек выбежал с насадкой от парогенератора в руке и понял это только возле машины. Вика всё сняла.

— Это невозможно, — сказала Алиса.

— Что именно? — спросила мать, проверяя запись.

— Вы даже это превратили в интеграцию.

— Они первые начали.

— Кто?

— Привидение и клининг.

Эдвард стоял на лестнице.

— Ваша мать непобедима.

— Не льсти ей.

Алиса прошла мимо. Он хотел что-то сказать. Не сказал. В тот вечер реклама клининга стала вторым самым популярным роликом семьи после ночного стрима. Компания расторгла сотрудничество утром. Просмотры остались. Посыпался донат.

После бегства клининга Вика получила сообщение от менеджера компании: «Просим не использовать кадры с сотрудниками без дополнительного согласования».

— Они сами просили интеграцию, — возмутилась она.

— Они не просили левитирующий пылесос, — сказал Олег.

— В брифе не было запрета.

Эдвард, стоявший на лестнице, тихо спросил Алису:

— Что такое бриф?

— Документ, где заранее перечисляют, какое безумие считается согласованным.

— В вашем времени даже хаос требует бумаги.

— Особенно хаос.

Он посмотрел на неё, и на секунду всё стало как раньше. Потом Алиса вспомнила свои слова, и отвернулась первой. Эдвард не попытался удержать разговор.

Глава 16. Первый снег

Снег выпал ночью. Утром близнецы вытащили металлоискатель, который Олег когда-то купил для ролика «Ищем золото на пляже», хотя до пляжа они так и не доехали.

— Сегодня найдём клад, — сказал Тёма.

— В снегу?

— Земля под снегом не исчезла.

— К сожалению, логично.

Алиса наблюдала из окна. Она почти не спала. Комната Элеоноры давила сильнее, когда становилось тихо. Близнецы шли вдоль старого сада. Тёма медленно водил рамкой над землёй. Гоша нёс лопату и фонарь, хотя было девять утра. Прибор пискнул. Оба застыли. На втором этаже западной башни за стеклом стоял Эдвард. Алиса увидела его случайно. Он смотрел вниз. Не на неё. На мальчиков. Тёма снова провёл прибором. Писк стал громче. Эдвард шагнул к стене. Алиса подумала, что сейчас он выйдет и остановит их. Не вышел.

Он остался у окна. Близнецы начали копать.

— Нашли! — закричал Гоша.

Из земли показался металлический угол. Алиса надела ботинки и вышла. Снег хрустел так громко, будто дом слушал. Сундук оказался маленьким. Не пиратский клад. Тёмное дерево, железные углы, сломанный замок.

— Открывай.

— Я нашёл.

— Мы вместе.

— Я первый услышал.

— Прибор мой.

— Папин.

Алиса вздохнула.

— Открывайте одновременно, иначе вы умрёте до того, как узнаете, что внутри.

Они подняли крышку. На старом бархате лежали украшения. Серьги. Кольцо с гербом. Браслет. Овальный медальон. И тёмная кожаная книга. На ней были инициалы: Е.С. Алиса подняла взгляд на башню. Эдвард всё ещё стоял в окне. На этот раз он смотрел прямо на неё. Он мог остановить их. Не остановил.

И почему-то это было первым поступком после ссоры, который Алиса поняла без объяснений. Когда близнецы начали копать, снег набился им в рукава и ботинки. Через десять минут Гоша заявил, что научное исследование можно продолжить весной.

— Пять минут назад ты говорил, что клад уже чувствует твоё присутствие, — напомнил Тёма.

— Он почувствовал. Теперь может ждать.

Алиса смеялась, пока не заметила Эдварда в окне. Он стоял неподвижно, но в его лице было столько напряжения, что смех исчез сам.

— Он знает, что там, — сказала она.

Тёма поднял голову.

— Тогда спросим.

— Нет.

— Почему?

Алиса снова посмотрела на окно.

— Потому что если он хотел остановить вас, уже остановил бы.

В этот момент Эдвард сделал едва заметный шаг назад от стекла. Как будто услышал.

Глава 17. Закопанная жизнь

Близнецы хотели открыть дневник немедленно. Алиса забрала его.

— Это личное.

— Автор мёртв.

— Отличная юридическая позиция.

— И мы нашли.

— Это не делает вас наследниками британской аристократии.

Гоша поднял медальон.

— Тут женщина.

Крышка открылась со щелчком. Внутри был миниатюрный портрет светловолосой женщины. На обороте — надпись: «Моему Эдварду. Всегда твоя».

— Жутковато, — сказал Тёма.

— Это моя мать.

Голос раздался за спиной. Оба близнеца подпрыгнули. Эдвард стоял возле стола. Он не смотрел на Алису. Только на медальон.

— Ты это закопал? — спросил Гоша.

— Да.

— Почему?

— Потому что не мог оставить в доме.

Алиса всё-таки вмешалась:

— Элеонора находила?

Эдвард поднял глаза. Молчание между ними было натянутым.

— Почти всё.

— Даже вещи твоей матери?

— Особенно их.

Он приблизился к медальону. Пальцы прошли сквозь металл, но крышка дрогнула.

— Мать умерла, когда я был юношей.

— И Элеонору это всё равно раздражало?

— Она не любила конкурировать с женщиной, которую невозможно разочаровать и которую я любил.

Фраза прозвучала горько. Алиса не знала, считать ли это признанием или очередной версией.

— А дневник?

Эдвард посмотрел на книгу. На его лице впервые появился настоящий страх. Не перед обвинением. Перед тем, что кто-то прочитает.

— Не надо.

Гоша уже открыл первую страницу.

— Тут стихи.

Эдвард исчез. Так быстро, что голубой след ещё секунду висел над столом. Тёма присвистнул.

— Убийства его не смущают. Стихи смущают.

Алиса закрыла книгу.

— Не читаем.

— Почему?

Она посмотрела на пустое место.

— Потому что он попросил.

Это было первое, что она сделала для Эдварда после того, как сказала ему не подходить. Он об этом не узнал. Пока.

Ночью сундук стоял на столе в библиотеке. Никто не трогал драгоценности. Даже близнецы, что само по себе доказывало серьёзность ситуации. Эдвард появился ближе к полуночи.

— Почему именно здесь? — спросила Алиса.

— Что?

— Почему ты закопал это в саду, а не спрятал в стене?

Он посмотрел на медальон матери.

— В стенах Элеонора искала. В саду зимой — нет.

Алиса почувствовала неприятный холод, не связанный с его присутствием.

— Ты боялся собственной жены.

Эдвард не ответил. Это молчание было первым свидетельством, которое не принадлежало ни одному дневнику.

Глава 18. Секретер

Дневник Элеоноры Алиса нашла сама. Именно поэтому нарушить чужую тайну оказалось легче. Секретер в её комнате был старше большей части мебели. Она сфотографировала резьбу, загрузила изображение в нейросеть и спросила, где в подобных предметах могли делать скрытые ящики. Первый совет привёл к пауку. Второй — к пустой нише. На третьем Алиса нажала на деревянный цветок под центральной полкой.

Секретер не хотел отдавать тайник. Алиса трижды нажала не туда, один раз защемила палец и в сердцах сказала мебели слово, которое Эдвард наверняка счёл бы окончательным доказательством падения нравов.

Когда ящик наконец открылся, она несколько секунд просто смотрела на свёрток. Внутри лежали женская перчатка, высохший цветок, маленький ключ и книга, завёрнутая в ткань. На первой странице было написано:

«Элеонора Кентервиль».

И комната мгновенно перестала принадлежать Алисе. Можно было закрыть. Можно было позвать родителей. Можно было дождаться утра. Вместо этого Алиса достала книгу.

Она знала, что нарушает чужую границу. Но Элеонора была ей неприятна просто потому, что когда-то существовала. И потому, что ей принадлежало то, чего она, по мнению Алисы, не заслуживала. Странно, но чужие границы всегда кажутся менее очевидными, когда человек умер несколько веков назад Алиса села на пол. Начало оказалось почти скучным. Погода. Платья. Визиты. Рояль. Сад. Эдвард.

«Сегодня Эдвард читал мне стихотворение и страшно обиделся, когда я сказала, что рифма ужасна».

Алиса невольно улыбнулась. Дальше имя встречалось чаще.

«Эдвард обещал, что в нашем доме мне никогда не будет одиноко».

Ещё через десятки страниц почерк изменился. Стал мельче. Темнее.

«Сегодня он снова говорил с новой служанкой».

Следующая запись:

«Она коснулась его руки».

Потом:

«Я видела их из окна».

А потом одна строка, продавленная так сильно, что перо порвало бумагу:

«Он поцеловал её».

Алиса перестала дышать. Она вспомнила Эдварда в библиотеке.

«Она была уверена, что я ей неверен».

Он сказал — нет. Элеонора написала — видела. У Алисы было два человека и ни одной причины заранее выбрать одного. Но дневник Элеоноры продолжался. И с каждой страницей выбирать становилось всё труднее.

Глава 19. Дневник Элеоноры

Сегодня он снова был с ней.

Я не искала их.

Почему все решили, будто я только и делаю, что ищу доказательства? Мне достаточно открыть окно собственного дома.

Он стоял во дворе с Мэри.

Держал её руку.

Она смотрела на него так, как женщина не должна смотреть на чужого мужа.

Он наклонился.

Я видела.

Я видела его губы у её лица.

Пусть после этого никто не говорит мне: «тебе показалось».

Иногда мне кажется, что самое удобное оружие мужчины — убедить женщину не доверять собственным глазам.

Эдвард сказал, что Мэри поскользнулась.

Конечно.

Он всегда умеет найти объяснение, в котором остаётся благородным.

Я спросила, любит ли он меня.

Он ответил «да».

Я спросила, почему тогда мне так больно.

Он сказал: «Я не причиняю тебе этой боли».

Как жестоко.

Если он не виноват, значит виновата я.

А я не виновата.

Я люблю его.

Разве любовь может быть виной?

* * *

Сегодня он снова схватил меня за руку.

Слишком сильно.

Утром на запястье остался синяк.

Он скажет, что я замахнулась на зеркало.

Он скажет, что боялся, что я порежусь.

Он всегда говорит очень спокойно после того, как мне больно.

Иногда от этого я ненавижу его спокойствие сильнее самого поступка.

Я спросила:

— Ты когда-нибудь ударишь меня?

Он посмотрел так, будто я ударила его первая.

— Никогда.

Все мужчины говорят «никогда» до первого раза.

Нет.

Я несправедлива.

Он не бил меня. Или бил? А я боюсь даже записать это?

Зачем я это написала?

Но иногда его руки становятся такими сильными, когда он пытается остановить меня. А у меня остаются синяки.

Почему он вообще должен меня останавливать?

Почему не может просто сделать так, чтобы мне не приходилось злиться?

* * *

Сегодня я надела серьги его матери.

Красивые. Тёмный камень. Они подходят мне больше, чем женщине на портрете.

Эдвард увидел и сказал снять.

Не попросил.

Сказал.

Я сняла.

Не потому что он приказал.

Потому что не хотела ссоры.

Но весь вечер думала: почему мёртвая женщина имеет в этом доме то, чего нет у меня? Он любит её больше, чем меня?

Её вещи нельзя трогать.

Её портрет нельзя убрать.

Её имя нельзя произносить не тем тоном.

Она умерла много лет назад.

И всё равно иногда мне кажется, что я живу втроём.

* * *

Я разбила зеркало.

Нет, это неправильно.

Оно разбилось.

Я только ударила.

На секунду там стояла женщина за моей спиной.

Я обернулась. Никого.

Эдвард прибежал на шум.

Он смотрел не на меня.

На стекло.

Я спросила:

— Ты её видишь?

Он сказал:

— Кого?

Лжец.

Потом я плакала.

Он сидел рядом до утра.

Лжец не сидел бы.

Или сидел бы, если чувствует вину?

Почему я не могу понять простую вещь?

* * *

Сегодня я была счастлива весь день.

Мы гуляли. Он смеялся. Я почти забыла всё плохое.

Потом он произнёс имя Мэри.

Один звук.

И весь день исчез.

Как можно потерять восемь счастливых часов из-за двух слогов?

Я устала от себя.

Нет.

От него.

Это он сделал меня такой.

Если бы он не давал причин, я была бы прежней.

* * *

Он запер кабинет.
Я попросила открыть.
Он отказал.
Я сказала, что жена не должна стоять перед закрытой дверью в собственном доме.
Он ответил:
— Иногда человеку нужно место, которое принадлежит только ему.
Какая отвратительная фраза.
У мужа не должно быть места, куда жена не может войти.
Что там?
Письма?
Другая женщина?
Его дневник?
Мать?
Я найду.
* * *
Сегодня он толкнул меня.
Я пишу это и сама не верю.
Он скажет: «ты бросилась к лестнице».
Он скажет: «ты хотела догнать служанку».
Он скажет, что всего лишь загородил дорогу.
Но я упала на кресло.
Мужчина, который любит, не должен делать так, чтобы жена падала.
Он потом плакал.
Эдвард плакал.
Я никогда не видела.
Сказал, что боится меня потерять.
Значит, любит.
Значит, я должна простить.
Значит, это не повторится.
* * *
Я должна его отпустить.
Я написала это и долго смотрела.
Он мучается.
Я вижу.
Иногда он сидит у окна и выглядит так, будто тело здесь, а всё остальное уже ушло.
Если люблю, должна отпустить.
Да.
Конечно.
Я отпущу его.
* * *
Нет.
Почему я должна отдавать своего мужа людям, которые хотят забрать его?
Почему свобода всегда означает, что он должен быть дальше от меня?
Почему никто не предлагает ему свободу от них?
От гостей.
От служанок.
От женщин, которые смотрят.
От чужих советов.
Если вокруг никого не останется, ему не придётся выбирать.

Тогда он поймёт, что я всё это время спасала нас.

* * *

Он мой муж.

Он выбрал меня.

Он обещал.

Только мой.

Я не держу его.

Я берегу то, что люблю.

Разве это одно и то же?

* * *

Сегодня зимой зацвёл миндаль.

На одной ветке.

Эдвард сказал, что этого не может быть.

Я рассмеялась.

Почему он всегда говорит, что чего-то не может быть, когда я вижу это собственными глазами?

Может быть, это знак.

Завтра всё изменится.

Я уже знаю, что нужно сделать.

Глава 20. Её версия

Вика нашла Алису утром на полу возле секретера. Дочь сидела в той же одежде, в которой была вечером. Волосы спутались. Босые ноги побелели от холодного пола. На коленях лежал закрытый дневник. Вика остановилась в дверях. Не спросила, сколько просмотров у вчерашнего ролика. Не подняла телефон. Сняла с кресла плед и набросила Алисе на плечи.

— Ты вообще ложилась?

Алиса покачала головой. Мать посмотрела на книгу.

— Это её?

Алиса кивнула. Несколько секунд молчала. Потом сказала:

— Мам...

Голос сорвался так по-детски, что Вика сразу села рядом.

— Что там?

Алиса открыла дневник, быстро перелистнула, не нашла нужную страницу и разозлилась ещё сильнее.

— Он целовал другую. Она видела. Потом он хватал её. Здесь был синяк. А потом... — пальцы дрожали. — Она пишет, что он её толкнул. Что закрывался. Что всегда всё объяснял так спокойно, будто проблема в ней.

Вика не забрала книгу. Не сказала «успокойся».

— Я поверила ему, — выдохнула Алиса.

Вот теперь стало понятно, почему дочь просидела на полу всю ночь.

— Ты хотела поверить, — тихо сказала Вика.

— Какая разница?

— Большая.

Алиса резко вытерла лицо.

— Я читала и всё время искала места, где она сама себе противоречит. Представляешь? Женщина пишет, что муж оставил ей синяк, а я думаю: «Ну, может, там было иначе». Это отвратительно.

— Это не отвратительно. Это страшно.

— Чем лучше?

Вика помолчала.

— У меня был парень до твоего отца. Он мог объяснить всё. Любую переписку. Любую пропажу на сутки. Через полчаса разговора извинялась уже я.

Алиса подняла голову.

— Папа?

— Господи, нет. Твой отец врёт так плохо, что я однажды узнала про подарок на день рождения за три недели.

Алиса неожиданно фыркнула.

— Я говорю не о том, что Эдвард виноват, — продолжила Вика. — Я говорю, что красивое объяснение ничего не доказывает.

— Вот именно.

— И отсутствие красивого объяснения тоже.

Алиса нахмурилась.

— Ненавижу, когда ты усложняешь.

— Я родила троих детей. Имею право.

Снизу донёсся голос Олега:

— НЕТ, ЭКЗОРЦИСТА МЫ НЕ РЕКЛАМИРУЕМ! ЭТО УЖЕ СЛИШКОМ!

Пауза.

— СКОЛЬКО?

Вика закрыла глаза. Алиса засмеялась сквозь слёзы. Смех быстро закончился. Она посмотрела на дневник. Последняя строка не уходила из головы:

«Завтра всё изменится. Я уже знаю, что нужно сделать».

На другом конце комнаты лежал дневник Эдварда. Алиса не хотела его открывать. Не потому, что боялась новой лжи. Хуже. Она боялась, что он даст ей именно ту правду, которую она слишком сильно хочет услышать.

Глава 21. Дневник Эдварда

В девять вечера за дверью Алисы начался шёпот.

— Ты стучи, — сказал Гоша.

— Идея была твоя, — ответил Тёма.

— Читать была твоя.

Алиса закрыла глаза.

— Я вас слышу.

За дверью стало тихо.

— Насколько? — осторожно спросил Гоша.

— Достаточно, чтобы знать, что вы что-то натворили.

Дверь приоткрылась. Сначала появилась голова Гоши, потом Тёмы. Между ними, как улика, которую никто не хотел держать в одиночку, был зажат дневник Эдварда. Алиса сразу села.

— Нет.

— Мы ничего не сделали, — быстро сказал Тёма.

Гоша кашлянул.

— Почти.

Тёма медленно повернул к нему голову.

— Ты обещал молчать.

— Я молчу. Это было одно слово.

— Вы читали, — сказала Алиса.

Оба одновременно посмотрели в потолок.

— Немного, — признался Тёма.

— Только стихи, — добавил Гоша. — Там в начале вообще ничего полезного. Дождь, птицы, какая-то женщина...

— Его мать, идиот.

— Я понял потом.

Алиса смотрела на кожаную обложку.

— Унесите.

Тёма перестал улыбаться.

— Ты боишься читать?

— Нет.

— Тогда почему?

Потому что Элеонора уже дала ей одну историю. И Алиса слишком хорошо знала, чего хочет от второй. Чтобы Эдвард оказался невиновен. Именно поэтому открывать его дневник было опасно. Она протянула руку.

— Давайте.

Первая запись была сделана ещё совсем молодым почерком:

«Если кто-нибудь когда-нибудь прочтёт это, надеюсь, к тому времени я буду достаточно мёртв, чтобы не испытывать стыда».

Алиса невольно улыбнулась.

— По крайней мере, желание исполнилось.

— Дальше стихи, — сообщил Гоша.

— Тихо.

Стихи были о дожде, море, птицах и матери. Некоторые хорошие. Некоторые настолько плохие, что Эдвард сам позже написал на полях: «Уничтожить немедленно». Ещё через

несколько лет рядом появилось: «Почему я этого не уничтожил?» Потом возникло имя Элеоноры.

«Элеонора снова смеялась над моими стихами. Женюсь».

Алиса задержала дыхание и перелистнула.

«Сегодня Э. просила не ехать в Лондон. Я обещал Хью, но она почти не спала. Останусь. Несколько дней ничего не изменят».

Через несколько страниц:

«Снова не поехал. Она плакала. Через час улыбалась и сказала, что я хороший муж. Вероятно, поступил правильно».

Алиса листала медленнее.

«Отпустил Мэри. Э. впервые за неделю спокойно спала. Надеюсь, теперь всё станет как раньше».

Ещё позже:

«Дом становится тихим. Раньше я любил тишину. Теперь она похожа на отсутствие воздуха».

Алиса нашла имя Мэри снова. Пальцы остановились на странице.

«Сегодня Элеонора сказала, что видела, как я целовал Мэри во дворе. Я не целовал её. Девушка поскользнулась на мокром камне. Я поймал её. Из корзины выпал цветок; я поднял. Объяснял это двадцать минут. Чем дольше говорил, тем виновнее звучал».

Алиса закрыла книгу.

— Всё? — спросил Тёма.

— Нет.

— Тогда почему закрыла?

— Потому что именно так написал бы человек, если бы хотел оправдаться.

Близнецы замолчали. Через минуту Алиса снова открыла дневник. Стала читать не вперёд, а назад. За несколько недель до происшествия Эдвард упоминал, что Мэри помолвлена с сыном садовника. Ещё раньше — что Элеонора уверена: девушка влюблена в него. После увольнения Мэри появилась запись:

«Сэм пришёл просить расчёт. Они уедут вместе. Рад за них. Элеонора считает это доказательством, что Мэри испугалась разоблачения. Не знаю, какое событие могло бы доказать обратное. Но дому требуется прислуга. ».

Это всё ещё ничего не доказывало. Но уже мешало удобно выбрать одну сторону. Дальше был синяк.

«Сегодня удерживал Элеонору за запястья. Она ударила зеркало подсвечником и замахнулась снова. Боялся, что стекло попадёт ей в лицо. Утром увидел след от своих пальцев. Мне стало дурно. Она смотрела на него как на доказательство. Я тоже».

Алиса провела большим пальцем по краю страницы. Ещё одна запись:

«Вчера загородил ей лестницу. Она хотела догнать служанку. Рванулась вперёд и упала в кресло. Сегодня сказала, что я её толкнул. Я уверен, что не толкал. Почти уверен. Страшно, как быстро повторённое обвинение начинает жить в собственной памяти».

Гоша перестал ёрзать. Тёма сидел с коленями у подбородка. Потом пошли старые записи о матери.

«Мне семь. Хотел идти к реке. Матушка заплакала. Остался. Она обняла меня и сказала, что я хороший мальчик. Я был счастлив».

Год спустя:

«Дядя предложил поехать с ним. Матушка сказала, что ей страшно одной. Остался».

Через много лет:

«Сегодня Элеонора плакала из-за Лондона. Отменил поездку. Странное чувство. Как будто мне снова семь».

Алиса перестала читать. Она вспомнила Эдварда в библиотеке. Его привычку сразу отступать, если кто-то расстроен. Его невозможность сказать «нет» там, где он уже сказал «нет» десять раз. То, как легко он согласился показывать ей проходы после собственного запрета. Но это всё ещё был его дневник. Его память. Его версия.

— Ну? — спросил Гоша.

— Что «ну»?

— Он хороший?

Алиса закрыла книгу.

— Дневник не справка о хорошем человеке.

— А Элеоноры? — спросил Тёма.

— Тоже.

Тёма нахмурился.

— Тогда зачем они вообще нужны?

Алиса посмотрела на две книги, лежащие рядом.

— Наверное, чтобы понять, насколько всё сложнее, чем хочется.

За стеной кто-то стоял. Алиса не знала. Эдвард слышал каждое слово. Когда она позже вышла в коридор, там уже никого не было. Возле двери лежала красная грелка близнецов. На записке появилась новая строка его почерком:

«Всё-таки оставьте. Здесь холодно».

Алиса провела пальцем по буквам. И впервые за несколько дней позволила себе улыбнуться. Совсем чуть-чуть.

Глава 22. Люстра

После двух дневников стало не легче. Стало хуже. Теперь Алиса могла представить обе версии настолько ясно, что иногда одна вытесняла другую в течение нескольких минут. В дневнике Элеоноры она видела мужчину, который хватал, запирался, скрывал, объяснял.

В дневнике Эдварда — человека, который уступал до тех пор, пока собственная жизнь не стала слишком маленькой. Оба писали искренне. Искренность ничего не гарантировала. Эдвард по-прежнему не подходил. Алиса по-прежнему не звала. Люстра упала в пятницу. Сначала сверху посыпалась пыль.

Тёма и Гоша спорили в большом зале о том, чей металлоискатель «реально нашёл клад». Олег настраивал камеру для очередной интеграции. Вика выбирала между двумя обложками на телефоне. Алиса сидела на нижней ступени лестницы с закрытым дневником Эдварда на коленях. Металлический треск был коротким. Она подняла голову. Цепь лопнула.

— ТЁМА! ГОША!

Тяжёлая кованая люстра пошла вниз. Олег бросился к детям. Не успевал. Голубой свет вспыхнул раньше. Эдвард возник прямо под люстрой. Он поднял руки. Металл остановился в воздухе в нескольких сантиметрах над головами близнецов. Стеклянные подвески дрожали. Лицо Эдварда исказилось от напряжения.

— НАЗАД!

Дети замерли.

— НАЗАД, Я СКАЗАЛ!

Олег схватил обоих за куртки и дёрнул к себе. Эдвард резко повёл рукой. Люстра ушла в сторону и рухнула на камень. Грохот прокатился по всему замку. Несколько секунд никто не двигался. Вика всё ещё держала телефон. Экран был направлен прямо на Эдварда. Она посмотрела на запись. На сыновей. И впервые без колебаний нажала «стоп». Гоша подошёл к Эдварду.

— Ты нас спас.

— Очевидно.

— Но мы тебя бесили.

— Вы продолжаете.

— Тогда зачем?

Эдвард посмотрел на него.

— Потому что я не чудовище.

Фраза ударила Алису сильнее, чем грохот люстры. Он сказал это не детям. Или не только им. Тёма подошёл к брату.

— Мы больше не будем называть тебя убийцей.

Пауза.

— Пока не докажут.

— Тёма! — одновременно сказали Алиса и Вика.

Эдвард неожиданно рассмеялся. Громко. Живо. Такого смеха Алиса от него ещё не слышала. Олег опустился на колени перед сыновьями, ощупывая им головы, плечи, руки, будто не доверял глазам. Потом поднялся. Телефон лежал на полу. Он не поднял.

— Я... — Олег сглотнул. — Спасибо.

Эдвард посмотрел на него настороженно.

— Вы спасли моих сыновей.

— Я не мог позволить иначе.

— Почему?

Эдвард перевёл взгляд на близнецов, на Вику, на Алису. Как будто сам удивился ответу раньше, чем произнёс.

— Ваша семья теперь и моя, сударь.

В зале стало тихо. Гоша первым испортил момент:

— Значит, ты теперь наш призрак?

— Нет.

— Семейный?

— Нет.

— Но семейный и ничей?

Эдвард закрыл глаза.

— Я уже жалею о формулировке.

Алиса улыбнулась сквозь слёзы. Эдвард посмотрел на неё. Она хотела сказать «прости». Не сказала. Он хотел, возможно, сделать шаг. Не сделал. Но впервые после той ночи в библиотеке остался в комнате. И этого пока было достаточно. Когда шум стих, Алиса заметила мелочь.

Эдвард всё ещё стоял там, где остановил люстру, и смотрел на собственные руки. Будто сам не ожидал, что сможет удержать такой вес. Она подошла ближе.

— Ты в порядке?

— Я мёртв. У этого состояния ограниченный диапазон ухудшений.

— Не шути.

Он поднял глаза.

— Я не хотел, чтобы они умерли здесь.

— Я знаю.

— Нет. Не только потому, что они дети.

Эдвард посмотрел на близнецов, которых Олег всё ещё держал за плечи.

— Я слишком хорошо знаю, что значит, когда человек умирает в этом доме, а остальные потом всю жизнь пытаются придумать, в какой момент могли это остановить.

Алиса почувствовала, как что-то внутри неё сдвинулось. Не прощение. Не доверие. Просто ещё одна дверь, которую невозможно было снова закрыть полностью.

Часть III. То, что мы называем любовью

Глава 23. После падения

Ночью после люстры никто в доме толком не спал. Близнецы перебрались в комнату родителей, хотя оба утверждали, что это исключительно потому, что «там лучше вайфай». Олег трижды проверял крепления всех светильников. Вика сидела на полу в коридоре с кружкой чая. Алиса нашла её в два часа.

— Ты чего?

— Думаю.

— Опасно.

— Спасибо.

Вика подвинулась. Алиса села рядом.

— Когда они родились, — сказала мать, — я первое время вообще не могла спать. Всё проверяла, дышат ли. Потом это прошло. Потом они начали бегать, падать, лазить. Ты думаешь, что привыкнешь к тому, что дети всё время могут умереть каким-то нелепым способом. Не привыкаешь.

Алиса посмотрела на неё.

— Ты поэтому всё снимаешь?

Вика усмехнулась.

— Психотерапевт был бы счастлив твоему переходу.

— Я серьёзно.

Мать подумала.

— Возможно. Если всё записано, кажется, будто не потеряешь. У меня тысячи видео. Иногда я даже не помню день, но помню кадр.

— А день?

— Вот именно.

Они сидели молча. Из стены напротив появился Эдвард. Вика вздрогнула.

— Мог бы предупреждать.

— Я призрак. Это разрушает специализацию.

Алиса улыбнулась. Вика посмотрела на него.

— Спасибо за мальчиков.

Эдвард отвёл взгляд.

— Вы уже говорили.

— Я могу сказать ещё раз.

Он кивнул. Потом неожиданно сел рядом, хотя пола не касался. Трое сидели в коридоре до рассвета. Никто не снимал. И именно этот разговор Вика потом называла одним из самых важных вечеров своей жизни. Хотя у неё не осталось ни одной фотографии.

Позже Алиса вернулась в свою комнату и обнаружила дневник Эдварда на столе. Она не помнила, чтобы приносила его туда. Между страницами лежал сухой лист миндаля. Эдвард появился в дверях.

— Это не я, — сказал он, заметив её взгляд.

— Я ничего не спрашивала.

— У тебя лицо спрашивает.

— Моё лицо сегодня много работает без разрешения.

Он остался у двери. После последних недель оба словно заново учились расстоянию. Раньше Алиса не замечала, насколько часто он подходил близко. Теперь замечала каждый метр.

— Я тебе верю? — спросила она вдруг.

Эдвард долго молчал.

— Я не знаю.

— Очень полезно.

— Я не хочу, чтобы ты верила мне потому, что я спас твоих братьев.

Алиса подняла глаза.

— А потому что?

— Потому что когда-нибудь у тебя будет достаточно причин. Если будет.

Это был почти идеальный ответ. Именно поэтому Алисе захотелось его поцеловать и одновременно выгнать из комнаты. Она выбрала третье.

— Доброй ночи, Эдвард.

Он улыбнулся уголком губ.

— Доброй ночи, Алиса.

Когда он исчез, ей стало легче. Через минуту — хуже.

Глава 24. Добрый вечер, сударыня

На следующий день Вика пришла в зал без телефона. Эдвард заметил это сразу. Алиса тоже. Олег заметил через семь минут и спросил, не потеряла ли она его.

— Нет, — сказала Вика.

— Зарядка?

— Девяносто два процента.

— Ты больна?

— Олег.

Он поднял руки.

— Просто проверяю гипотезы.

Вика подошла к Эдварду. Тот стоял возле камина и явно предпочёл бы снова удерживать падающую люстру, чем участвовать в разговоре благодарной матери.

— Я хотела сказать ещё раз спасибо.

— Не стоит.

— Стоит.

— Любой человек поступил бы так же.

— Большинство людей не умеют останавливать люстры.

— Это техническая подробность.

Вика улыбнулась.

— Я ещё хотела извиниться. За стрим.

Эдвард отвёл взгляд.

— Я не понимала, что тебе больно.

— Я знаю.

— Это не оправдание.

Алиса едва заметно подняла бровь. За неделю в замке фраза «это не оправдание» стала почти семейным гимном. Эдвард посмотрел на Вику внимательнее.

— Вы действительно пришли без этой штуки.

— Телефона.

— Да.

— Решила один разговор оставить себе.

Это, кажется, впечатлило его больше самого извинения. Он выпрямился, положил руку на грудь и поклонился так старомодно и красиво, что Вика растерялась.

— Добрый вечер, сударыня.

Она рассмеялась. Потом неожиданно вытерла уголок глаза.

— Вот сейчас я жалею, что не снимаю.

— Мам.

— Шучу.

— Нет.

— Не совсем.

Эдвард почти улыбнулся. Вечером родители заставили близнецов убрать все ловушки. Тёма снял сеть. Гоша убрал датчики. Алиса вернула Эдварду дневник вечером. Он не взял.

— Оставь пока.

— Почему?

— Хочу проверить одну вещь.

— Какую?

— Могу ли я не контролировать, что ты узнаешь обо мне.

Алиса посмотрела на него удивлённо.

— И как ощущения?

— Отвратительно.

— Значит, работает.

Он сел возле окна.

— В моё время мужчине моего положения не полагалось писать половину того, что там есть.

— Например?

— Страх.

— Мужчины не боялись?

— Разумеется, боялись. Просто называли это осторожностью, честью, дурным предчувствием, болезнью печени. Чем угодно, кроме страха.

— А плакать?

— В определённых обстоятельствах допустимо.

— Как удобно.

— Не особенно.

Алиса закрыла дневник.

— Мне кажется, ты всю жизнь пытался выглядеть человеком, которым быть не хотел.

— Я хотел быть достойным.

— Это не одно и то же.

Он посмотрел на неё.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми старше себя?

— Только с теми, кто младше меня внешне.

Эдвард фыркнул. И оставил дневник у неё ещё на ночь. После разговора с Викой Эдвард нашёл Алису в оранжерее.

— Твоя мать сегодня удивила меня.

— Не привыкай.

— Я и не собирался.

Алиса улыбнулась и продолжила рисовать голые ветви миндаля. Эдвард встал рядом. Так близко, что холод от него лёг на её плечо.

— В дневнике ты писал, что хотел увидеть Италию, — сказала она.

— Хотел.

— Если бы мог выйти, куда бы поехал первым?

Он посмотрел на дерево, потом на неё.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Туда, куда поехала бы ты.

Карандаш остановился.

— Это ужасно нечестный ответ.

— Почему?

— Потому что звучит романтично.

— Я всего лишь экономлю на планировании маршрута.

Она рассмеялась. Эдвард тоже. А потом оба слишком быстро перестали, заметив, что уже несколько секунд смотрят друг на друга.

Глава 25. Не трогай мои вещи

— Ты читал мой дневник?

Вопрос был нелепым, потому что Эдвард стоял перед Алисой с собственным дневником в руке.

— Технически он мой.

— Я имею в виду после смерти.

— Нет.

— Почему?

— Я помню, что там написано.

— Не всё.

— Достаточно.

Алиса сидела в библиотеке, поджав ноги.

— Ты писал хорошие стихи.

Эдвард посмотрел на неё так, будто она ударила его книгой.

— Нет.

— Некоторые.

— Ни одного.

— Один про дождь хороший.

— Алиса.

— А про ласточку ужасный.

— Благодарю.

— Зато честно.

Он забрал дневник.

— Ты не должна была читать.

— Я не начинала. Близнецы.

— Разумеется.

— И что теперь? Ты обидишься на детей, которые нашли твой сундук почти через три века?

— На них нет. На тебя — возможно.

Это было почти приятно. Он наконец снова спорил с ней.

— Почему ты так стыдишься?

— Я не стыжусь.

— Тогда почему выглядишь так, будто я нашла твоё детское фото в ванне?

Эдвард нахмурился.

— Я не понимаю сравнения и рад этому.

Алиса улыбнулась.

— Там ты живой.

Он замолчал.

— В дневнике, — пояснила она. — Не такой, каким ты пытаешься быть сейчас. Там ты сомневаешься. Злишься. Боишься. Пишешь, что хочешь уехать. Что ненавидишь обязанности. Что иногда не можешь терпеть Элеонору, а через страницу пишешь, что любишь её.

— Именно поэтому люди не должны читать дневники.

— Потому что увидят, что человек противоречивый?

— Потому что увидят то, что он решил никому не показывать.

— Ты мёртв почти триста лет.

— Достоинство не имеет срока давности.

— А одиночество?

Он резко посмотрел на неё. Алиса пожалела, но снова не отступила.

— Ты спрятал дневник не только от Элеоноры.

— От кого ещё?

— От всех, кто мог решить, что ты слабый.

Лицо Эдварда стало холодным.

— И что ты решила?

Алиса выдержала взгляд.

— Что ты был человеком.

Он не ответил. Потом положил дневник на стол между ними. Он ни за что бы не признался, что хотел, чтобы именно Алиса прочла его дневник. Бумага оставалась одной из немногих форм близости, доступных им без риска: её пальцы могли касаться страниц, на которых он когда-то оставил то, чего не умел говорить вслух.

С вещами всё было проще. Эдвард мог сдвинуть подсвечник, открыть дверь или удержать предмет, если собирал достаточно сил, хотя за любое вмешательство приходилось платить усталостью. С живыми действовали другие правила. Прикосновение вытягивало силу из него самого, а человеку оставляло такой холод, будто жизнь на несколько мгновений отступала от кожи. Чем дольше длился контакт, тем опаснее становилось для обоих.

Поэтому он не мог дотронуться до Алисы. Не потому, что его рука неизбежно прошла бы сквозь неё, а потому, что Эдвард слишком хорошо знал цену настоящего прикосновения и не собирался позволять ей платить. Алисе он этого не объяснял. Для неё всё оставалось проще: призрак не может касаться живого. Пусть пока думает именно так. В комнате вещей Элеоноры Алиса нашла маленькую коробку с записками. Не письма. Кусочки жизни.

«Не забудь заказать ленты».

«Эдвард ненавидит корицу, хотя отрицает».

«Спросить садовника, почему миндаль у южной стены не цветёт».

Последняя заставила Алису остановиться.

— Она тоже следила за миндалём?

Эдвард посмотрел на записку.

— За некоторыми.

— Их было несколько?

— Да.

— Я думала, в оранжерее одно старое дерево.

— Оно было первым. Его посадила моя мать.

Алиса подняла глаза. Эдвард сказал это спокойно, но этого уже хватило, чтобы стало понятно: объяснение будет не про садоводство.

— А остальные?

— Я посадил позже.

— Зачем?

Он посмотрел на неё.

— Это длинная история.

— Конечно.

— Удивительно, как быстро ты привыкла к тому, что у меня на всё есть длинная история.

— Тебе почти триста лет. Было бы странно, если бы не было.

Уголок его губ дрогнул. Алиса снова посмотрела на записку.

— Так Элеонора следила за другими деревьями?

— Да. Особенно позже.

— Почему?

— В какой-то момент она решила, что их цветение что-то говорит о нашем браке.

— Например?

— Если весной они цвели хорошо, значит всё хорошо. Если один зацветал позже, она спрашивала почему. Если сохла ветка, искала причину уже не в дереве.

Алиса помолчала.

— А дерево твоей матери?

Эдвард отвёл взгляд.

— Оно к тому времени уже давно не цвело.

— Совсем?

— Совсем.

— И Элеонора не считала это знаком?

— Нет.

Он чуть помедлил.

— Она его не любила.

Алиса посмотрела внимательнее.

— Почему?

— Потому что я любил.

Ответ был настолько простой, что она не сразу поняла. Потом вспомнила серьги Аделаиды. Портрет. Медальон. Все те вещи, которые Элеонора воспринимала как присутствие женщины, умершей задолго до их знакомства.

— Она ревновала тебя к дереву?

— Не к дереву.

— К матери.

Эдвард ничего не сказал. Этого было достаточно.

— Ты не позволял его убрать?

— Разумеется.

— Даже когда оно перестало цвести?

— Особенно тогда.

Алиса снова посмотрела на записку. Другие миндали цвели. Именно за ними Элеонора следила, сравнивала весны, замечала опоздавшие цветы и высохшие ветви, превращая обычные перемены сада в ответы на вопросы, которые задавала совсем не деревьям.

— Она, наверное, видела знаки везде, — сказала Алиса.

— Мы все видим знаки там, где уже ждём ответа.

— Ты тоже.

— Конечно.

Эдвард посмотрел на платье.

— Я видел в каждом её хорошем дне доказательство, что всё исправилось.

Алиса подняла глаза.

— А плохие?

— Считал временными.

Эта фраза осталась с ней надолго.

Глава 26. Комната мёртвой женщины

— Есть ещё одна комната, — сказал Эдвард.

Это произошло через два дня после разговора о дневнике. Алиса не спросила зачем. В Кентервиле любая фраза «есть ещё одна комната» неизбежно означала проблемы.

Он провёл её через узкий проход за книжным шкафом, потом по лестнице между стенами и дальше вниз.

— Прадед?

— Прадед.

— Он правда думал, что все хотят его убить?

— В старости включал в список даже собственного врача.

— А врач?

— После четырнадцати лет лечения, думаю, имел основания.

Проход закончился дверью. За ней была маленькая комната, где время остановилось. Платья под чехлами. Коробки. Флаконы. Письма. Ноты. Перчатки. Туфли.

— Элеонора?

— Да.

Алиса медленно вошла. На столе лежала серебряная щётка для волос.

— Почему ты всё это хранил?

— Потому что никто другой не хранил.

— После её смерти?

Эдвард кивнул.

— Но ты умер почти сразу после неё. Судя по твоему виду.

Он посмотрел в сторону.

— Я успел принести сюда часть вещей раньше.

— Зачем?

— Она выбрасывала их. Потом искала. Потом обвиняла слуг. Здесь было безопаснее.

Алиса взяла платок с вышитыми буквами Е.С.

— Даже после всего ты защищал её.

— Не её.

— А кого?

— Ту, которой она была раньше.

Эдвард подошёл к платью цвета старого золота. Его рука прошла сквозь ткань. Он смотрел на неё с таким выражением, что Алиса впервые поняла: вина умеет выглядеть как нежность.

— Ты всё ещё считаешь, что мог её спасти.

— Я должен был заметить раньше.

— Ты замечал.

— Значит, должен был сделать больше.

— Это бесконечная игра.

— Что?

— Если сделал мало — виноват. Если сделал много и не помогло — надо было больше. Если сделал всё — надо было раньше.

Эдвард усмехнулся без радости.

— Ты удивительно уверенно рассуждаешь о том, чего не видела.

— А ты удивительно уверенно судишь себя за то, что не мог контролировать.

Он отвернулся. На стене висело маленькое зеркало под тканью. Алиса шагнула к нему.

— Не надо.

Эдвард сказал это слишком резко. Она убрала руку.

— Это то зеркало?
— Нет.
— Тогда почему?
— Я просто не люблю зеркала.
— Ты даже не отражаешься.
— Я не вампир. Я не хочу. Некоторые плюсы быть призраком.

Глава 27. Прогулки в стенах

После комнаты Элеоноры Эдвард стал чаще показывать Алисе тайные проходы. Возможно, потому что один из главных секретов дома уже был обнаружен и охранять остальные с прежней серьёзностью казалось бессмысленно. Возможно, потому что ему нравилось её удивлять. Второе он отрицал.

— Здесь направо.

Алиса остановилась перед каменной стеной.

— Здесь нет направо.

— Именно поэтому проход сохранился.

Эдвард нажал на едва заметный выступ между двумя камнями. Где-то внутри щёлкнул старый механизм, и часть стены медленно отступила. Алиса посмотрела на него.

— Ненавижу этот дом.

— Ты говоришь это с восторгом.

— Это сложные отношения.

— Понимаю.

Он вошёл первым. На этот раз проход оказался шире прежних. Два человека могли идти рядом, если оба были достаточно худыми и один из них не занимал физического пространства. Алиса посветила телефоном на каменную кладку.

Здесь хорошо было видно, что стены строили не одновременно. Большие тёмные блоки внезапно сменялись кирпичом, потом снова камнем, потом в стене появлялась заложенная арка, которой явно было несколько сотен лет.

— Такое ощущение, что ваш замок строили люди, которые принципиально не разговаривали друг с другом.

— Иногда они жили с разницей в двести лет. Это затрудняло совещания.

— Но ведь его постоянно перестраивали?

— Постоянно.

Кентервиль существовал задолго до Кентервилей в том виде, в котором Алиса знала их историю. Самая старая часть дома когда-то была небольшой укреплённой усадьбой. Потом появилась башня. Потом ещё одна. После одной войны укрепили стены, после другой часть укреплений разобрали, потому что они мешали новым окнам. Один владелец хотел часовню. Следующий считал часовню слишком маленькой и пристроил другую. Третий решил, что северное крыло неудобно, и перенёс лестницу. Старую лестницу не разобрали. Просто закрыли стеной.

— Конечно, — сказала Алиса. — Нормальные люди именно так и делают.

— Разбирать дорого.

— Ты сейчас защищаешь человека, который замуровал лестницу внутри дома?

— Я всего лишь уважаю экономическое решение.

Она засмеялась. Эдвард тоже улыбнулся. У него было странное отношение к Кентервилю. Он мог часами жаловаться на холод, стены, сквозняки, родственников, перестройки и архитектурные решения людей, умерших за двести лет до его рождения.

Но стоило Алисе назвать дом безумным, как в его лице появлялось лёгкое оскорбление. Будто ругать Кентервиль имел право только Кентервиль.

— А прадед твой сколько здесь перестроил?

— Слишком много.

Про сэра Абрахама Алиса уже знала главное. **Сэр Абрахам Кентервиль. 1630–1714.** Человек, который прожил восемьдесят четыре года и большую их часть подозревал окружающих в намерении сократить этот срок.

Она уже читала историю про анонимное письмо 1712 года. Кузен решил пошутить и написал, что Абрахаму следует опасаться за свою жизнь. Через несколько дней признался. Абрахам не успокоился. Он решил, что признание кузена может быть частью более сложного плана.

— Очень здоровая реакция, — сказала Алиса.

— Семья поддержала его примерно теми же словами.

Но к 1712 году тайные коридоры существовали уже несколько десятилетий. Абрахам начал перестраивать внутреннюю часть замка ещё молодым. Сначала появился дополнительный выход из кабинета. Потом проход из спальни в библиотеку. Потом смотровое отверстие в стене столовой, потому что хозяину показалось подозрительным, что слуги прекращают разговор, когда он входит.

— Может, они просто обсуждали его?

— Именно этого он и боялся.

— И обсуждали?

— Разумеется.

Алиса рассмеялась. После этого Абрахам построил второй проход к столовой, чтобы слушать людей, которые уже знали о первом. Потом тайную лестницу из западной башни. Потом ложную лестницу, заканчивавшуюся дверью в стену. Потом помещение, в котором можно было спрятаться, если дом захватят.

— Кто должен был захватить дом?

— В разные годы список менялся. Французы. Католики. Протестанты. Парламент. Сосед.

— Один сосед?

— Он слишком часто охотился возле границы владений.

— Веская причина.

— Абрахам считал именно так.

Паранойя прадеда оказалась исключительно дорогой, зато пережила его на три столетия.

— В интернете про этот дом столько всего написано, — сказала Алиса. — Не только про тебя.

— Я знаю. Ваши маленькие светящиеся коробочки оказались весьма эффективны в распространении глупостей.

— Там пишут, что никто вообще не знает, сколько здесь призраков.

— Один.

— Это ты так думаешь.

Эдвард остановился и посмотрел на неё.

— Я живу здесь почти триста лет.

— Именно. Может, другие тебя избегают.

— Разумно с их стороны.

Алиса улыбнулась и продолжила:

— Ещё есть истории про женщину в северной башне. Про ребёнка, которого слышат ночью. Про слугу без лица. Про людей, которые приезжали сюда и сходили с ума. И про то, что сам дом проклят ещё до тебя.

— Особенно лестно.

— Тебя не интересовало?

— Первые сто лет немного. Потом выяснилось, что новые владельцы способны придумать больше призраков за неделю, чем я за столетие.

Некоторые истории существовали ещё при жизни Эдварда. Другие возникли позже. Он слышал их от слуг, гостей, жителей деревни и людей, которые иногда приезжали в Кентервиль исключительно для того, чтобы провести ночь в проклятом доме, а утром с восторгом рассказывать, что слышали шаги.

— Иногда это был я, — признался он. — Иногда мыши. Иногда люди напивались и пугали друг друга.

— Очень романтично.

— Реальность редко уважает жанр.

Алиса посветила в узкий боковой коридор.

— А совсем старые легенды?

Эдвард пожал плечами.

— У старого дома всегда найдётся что-нибудь достаточно неприятное.

— Например?

Он задумался.

— Когда я был ребёнком, говорили, что под самой старой башней в основание замуровали человека.

Алиса остановилась.

— Заживо?

— По одной версии.

— И ты говоришь об этом так спокойно?

— Это произошло бы за несколько веков до моего рождения.

— Эдвард.

— Что?

— Человека замуровали в стену.

Он посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— Возможно.

— И тебя это вообще не ужасает?

Теперь уже Эдвард задумался над самим вопросом.

— Если это действительно произошло, думаю, для него опыт был крайне неприятным.

Алиса уставилась на него.

— «Крайне неприятным»?

— Что ты хочешь услышать? Что я скорблю о человеке, имени которого никто не знает и существование которого никто не доказал?

— Можно хотя бы немного.

— Алиса, если я начну лично страдать из-за каждого неизвестного человека, погибшего в Англии за последние семьсот лет, даже вечности окажется недостаточно.

Она несколько секунд молчала. Вот такие моменты напоминали, что Эдвард был не просто красивым юношей с устаревшей манерой говорить. Он родился в другом мире.

Для Алисы человеческая жизнь была абсолютной ценностью хотя бы теоретически. Для Эдварда смерть постороннего человека могла быть трагедией, фактом, военным результатом или просто историей, которую рассказывали за ужином. Это не делало его жестоким. Но иногда делало чужим.

— У вас правда людей замуровывали ради строительства? — спросила она.

— Я не присутствовал.

— Очень полезное уточнение.

— Подобные истории рассказывали о многих старых крепостях. Будто стены будут стоять крепче, если в основании останется жизнь. Иногда говорили о пленнике. Иногда о рабочем. Иногда вообще о животном. Что из этого правда, никто уже тогда не знал.

— И людям было нормально?

— Людям очень многое становится нормальным, если оно произошло достаточно давно и не с ними.

Алиса посмотрела на него.

— Это, к сожалению, звучит современно.

— Я давно подозреваю, что ваш век значительно меньше отличается от моего, чем ему хотелось бы.

Они пошли дальше. Через несколько метров коридор сузился и резко повернул.

— Ты все эти проходы знаешь?

— Большинство.

— Как?

Эдвард помолчал.

— Нашёл карты.

— Какие карты?

Он посмотрел на неё с выражением человека, который понял, что только что открыл ещё одну дверь и теперь уже поздно пытаться её закрыть.

— Мне было восемь.

— Ты в восемь лет изучал архитектурные планы тайных проходов?

— Не намеренно.

— Это становится лучше.

Он повёл её вниз. Ступени были старше остальной кладки и заметно стёрты посередине. Эдвард здесь не нуждался в осторожности, Алисе же приходилось держаться за стену.

— После смерти отца я часто уходил один, — сказал он. — В доме всё время кто-нибудь спрашивал, где я. Мать. Учитель. Слуги. Томас, когда приезжал. Мне хотелось иметь место, о котором никто не знает.

— В восемь?

— Особенно в восемь.

Он нашёл его случайно. За шкафом в старой галерее была панель, которая казалась частью стены. Эдвард заметил царапины на полу: шкаф когда-то двигали. Несколько дней пытался понять зачем. Потом украл у садовника маленький лом.

— Восемь лет.

— Я был предприимчив.

— Ты украл лом.

— Я вернул.

— После взлома стены?

— После исследования архитектуры.

Панель поддалась только с третьего раза. За ней оказался проход, которого не было ни на одном из обычных планов дома. Эдвард полез внутрь. Без свечи. Без разрешения.

И без малейшей мысли о том, что человек разумный хотя бы сообщает кому-нибудь, куда собирается.

— Ты точно родственник моих братьев.

— Не оскорбляй меня.

Проход привёл его в маленькую комнату без окон. Там стояли стол, два старых сундука и деревянный шкаф. На стенах висели планы Кентервиля, некоторые настолько старые, что части дома на них ещё не существовало. Большинство принадлежали Абрахаму.

Он рисовал поверх старых чертежей собственные линии. Красным отмечал проходы, синим двери, крестами места, которые считал недостаточно безопасными. На одном плане северное крыло было перечёркнуто целиком. Рядом стояло:

«Слишком много окон».

Алиса засмеялась.

— Мне начинает казаться, что он просто ненавидел архитектуру.

— Он ненавидел возможность быть замеченным.

— Отличная черта для человека, живущего в замке.

Эдвард тоже улыбнулся. Потом продолжил:

— Сначала я увидел карты.

— А потом?

Пауза.

— Потом скелет.

Алиса остановилась.

— Что?

Эдвард посмотрел куда-то в темноту впереди.

— В углу.

Восьмилетний Эдвард сначала решил, что это доспехи. В Кентервиле было достаточно странных предметов, чтобы ребёнок не удивился даже этому. Потом подошёл ближе. Костей оказалось слишком много.

Череп лежал набок. Остатки одежды почти исчезли, только возле плеч сохранились куски потемневшей ткани. Человек умер очень давно. А между рёбрами сзади торчал кинжал.

— Господи.

— Примерно это я и подумал.

— Ты испугался?

Эдвард усмехнулся.

— Мне было восемь.

— Это не ответ.

— Конечно испугался.

Он не убежал сразу. Именно это Алиса почему-то представляла особенно ясно. Маленький мальчик в огромном тёмном доме. Отец уже умер. Смерть перестала быть для него совершенно абстрактной, но ещё не успела стать привычной.

Он стоял перед человеческим скелетом, освещая его маленькой свечой, которую всё-таки принёс на второй визит. Потому что первый закончился тем, что он вылетел из прохода, заперся в спальне и всю ночь убеждал себя, что больше туда никогда не пойдёт. На следующий день вернулся.

— Конечно вернулся, — сказала Алиса.

— Я хотел понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.